

Демон плюс

Автор:

Георгий Зотов

Демон плюс

Георгий Александрович Зотов

Калашников #3

Заявление представителя Рая:

– Это – настоящий скандал. Нам не нужен насыщенный черным юмором мистический триллер, полный стеба над религиозными догмами. Нас шокируют тексты настоящих бесед учеников на Тайной вечере и раскрытие тайны отношений между Иудой и Магдалиной. Факт, почему крест на Голгофе вдруг оказался пуст, никогда не должен быть предан гласности. Мы желаем сохранить сон читателей, обреченных ночами глотать страницу за страницей, пытаюсь выяснить – кто же загадочный убийца, охотящийся за апостолами? И, наконец, главное: как вы осмелились напечатать расшифровку телефонных переговоров между Раем и Адом?!

Официальное резюме: «К прочтению в Раю запрещено».

Заявление представителя Ада:

– Это – компромат на зло. Ни к чему поражаться секретам Старого и Нового Завета, переплетенным с тибетской мистикой, и интригами времен Древнего Рима, до слез хохотать, и замирать над лихими поворотами напряженной детективной линии. Кто позволил вам публиковать имена поп-звезд, политиков и ученых, тайно продавших свои души Шефу Ада? Зачем вы раскрываете, чем заняты в преисподней Цой, Казанова и Иван Грозный? Для чего печатать сенсации о нашем конкуренте: что реально происходило во время превращения воды в вино, воскрешения Лазаря и на суде Понтия Пилата? И, наконец, главное: как вы узнали номер мобильного Смerti?!

Официальное резюме: «К прочтению в Аду запрещено».

Зотов

Демон плюс

© Г.А. Зотов, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Смерть не имеет к нам никакого отношения. Когда существуем мы – не существует она. Когда же есть она – то мы уже не существуем.

Марк Аврелий, римский император

Пролог

Наверное, это не очень нормально – когда человек длительное время разговаривает сам с собой. В общем-то, так и есть. Прочтите книгу любого известного психиатра, и вы почерпнете оттуда множество ценных идей. Самая главная – именно с подобных бесед и начинается сумасшествие. Что ж... если рассуждать с этой точки зрения, меня давно одолела вялотекущая шизофрения. Наверное, уже лет семьдесят как – а может, и того больше. Если честно, я ведь не считал. Философские беседы с треснувшим зеркалом поглощают основную часть моего пребывания у Двери. Я разговариваю со своим отражением по десять, а иногда даже пятнадцать часов в день: до тех пор, пока голос полностью не уходит в хрип. Пожалуй, это моя единственная проблема. В остальном, не буду лукавить – я чувствую себя как нельзя лучше. Разве это не отличный повод позавидовать мне?

Подумайте только – не простужаюсь, не устаю, не знаю боли, не испытываю ни малейшей потребности в пище и во сне. Единственное, что не вечно, – так это память, особенно с годами: они текут стремительно, подобно тем извилистым горным рекам, воды которых я могу видеть со скалы. Пытаюсь сохранить свежесть воспоминаний, я последовательно общаюсь с собой на тех языках, которыми владею в совершенстве. В понедельник – на родном, во вторник – на испанском, в среду – на старонорвежском, четверг и пятницу отдаю французскому, а в конце недели тренирую латынь с древнегреческим. Глотая один за другим холодные месяцы, я часто обращаюсь к зеркалу с вопросом: когда же придет мой час? Оно отвечает мне однообразно – потускневшим и мертвым молчанием. Как я устал от ожидания... нудного, томительного и однообразного одиночества... это просто убивает меня, высасывает последние соки из застывшего в напряжении мозга. Да, я сам виноват. Но что я мог сделать? Ведь я получил твердый приказ: сначала устранить охранников, а затем – и самого доктора.

С первой частью задания я справился блестяще. Заметьте, я ничуть не хвастаюсь, просто излагаю так, как оно есть. Всего лишь и надо было – попросить охрану отойти в сторону, помочь мне с разгрузкой багажа. Дождавшись, пока эти тупицы выйдут из круга, я бесшумно покончил с обоими. А вот что касается второй – здесь, к стыду моему, я ощутил некоторое колебание: чувство, прежде незнакомое мне при выполнении приказа. Палец дрогнул на курке, когда я выстрелил доктору в затылок. Предчувствие? Да-да... теперь уж я точно могу сказать – причиной моих сомнений стала вовсе не химера призрачной совести. Если бы я только знал, сколько полновесных лет мне придется провести одному... совсем одному – высоко в заснеженных горах, с отвращением вдыхая горький, разреженный воздух... то постарался бы чуточку

повременить с исполнением. Самые первые годы мне хотелось выть на луну. Но пейзаж вокруг не менялся, застыв, как на картине – день за днем, год за годом. Скоро одиночество вошло в печальную привычку. Живой доктор вполне мог бы скрасить стекающее с небосклона время философскими беседами – пока не откроется Дверь. Но оживить его было уже не в моих силах...

...Вокруг свистят порывы сильного ветра: над горой густеют грозовые тучи, постепенно наливаясь свинцовым отблеском. Уже не первый год, забираясь под кожу невидимыми муравьями, меня раздирают тяжелые сомнения. Дверь! А существует ли она вообще, эта Дверь? Иногда смотрю на нее безотрывно, часами – так, что очертания скалы начинают двигаться и «плавать», отражаясь в безразличном слепом небе. Сколько мне лет? Восемьдесят? Сто? Знаю точно – на родине я уже давно бы умер. По меньшей мере – превратился в дряхлого старика без мозгов и зубов. И хоть один человек во всем мире сможет мне объяснить – ну что же здесь за место такое? Надрывая легкие, я кричу этот вопрос в пустоту – но слышу в ответ лишь отголоски чистейшего эха.

Покойный доктор, конечно, пытался рассказать, но его повествование всегда выходило путаным и сумбурным. Брызжащий фонтан слов, перемешанных с особыми терминами, сводился, в сущности, к забавному выводу – профессор и сам не может дать мало-мальски научное объяснение происходящему. Ясно только одно: вокруг горы «пульсирует» источник сильнейшей энергии непонятого происхождения. Еще перед Первой мировой войной доктор начал пробовать искать Дверь, руководствуясь оригиналами старинных манускриптов из похищенного архива секты «Желтая шапка». Облазил все окрестные горы по сантиметру, трижды попадал под снежную лавину, ночевал на пастбищах, натирая щеки салом от обморожений. Он нашел – но только сейчас. Чтобы узнать тайну приблизительного пути к источнику, ему пришлось убить ее последнего носителя – старого человека, считавшегося в этих краях живым богом. Подумать только... в самом начале нашего совместного путешествия, когда мы встретились с доктором у башни Кутаб-Минар, я откровенно не доверял ему. Считал пустым фантазером, радостно распыляющим тонны казенных денег. Когда я понял, что это место действительно уникально, то уже не мог извиниться – труп доктора лежал на дне пропасти. Меня никто не назовет наивным. Но любой прожженный материалист обрел бы веру в чудо, попади он сюда. Годами я нахожусь в круге, но мне не нужны вода и питье, а мое тело отказывается стареть. Маленькое зеркало, потускневшее от времени и погоды, отражает все то же лицо в обрамлении светлых волос. Обмануть разум можно. Глаза – нельзя. Мертвый доктор прав – Дверь откроется.

...Пистолет с двумя обоймами всегда находится рядом со мной. Прямо возле сердца – так, чтобы я всегда мог его почувствовать. Пистолет не столь изящен, как снайперская винтовка, но ее в другом мире не спрячешь в складках одежды. Она сразу же привлечет внимание, и такая оплошность может стоить жизни. Зато оружие сохранилось идеально. Я регулярно смазываю и чищу его, лелею, словно новорожденного ребенка. Еще бы. Ведь я возлагаю на него большие надежды. В решающий момент пистолет не должен дать осечки. Шестнадцать патронов? Этого хватит. Больше одной пули на цель я не расходовал никогда. Правда, пришлось предусмотреть и другие варианты. Если что-то произойдет с оружием, я сумею справиться и голыми руками.

...Простите: я, кажется, сказал, что одиночество – это моя основная проблема? Да, основная – но совсем не единственная. Меня разлагают ужасы однотипного ежедневного бытия, нахождение в полном неведении. Тяжело жить в приторной пустоте, где никто не слышит твой крик. Мой радиоприемник молчит, он так никогда и не включался – батареи в его утробе давно проржавели и сгнили. Что сейчас происходит дома... я не обладаю возможностью это узнать. Мне было четко сказано: «Приказ могу отменить только я». И раз он не отменен и за мной не явились – значит, надобность в моей миссии не отпала. Я утомлен, но не сломлен. Если потребуется – я прожду здесь еще столько же лет. Приказ будет выполнен.

...Но что... что же это такое? ВЕЛИКИЕ БОГИ, ЧТО Я ВИЖУ?! СВЕТ! ЯРКИЙ, РЕЖУЩИЙ ГЛАЗА СВЕТ! Я не брежу? Все наяву? НЕУЖЕЛИ? О ДА, ДА! Скала треснула, неохотно раскрывая свое каменное нутро, сквозь извилистую щель настойчиво пробиваются тончайшие лучи белого света. Дверь постепенно ширится, тихо раскалываясь мне навстречу... И ЭТО НЕ СОН! Мои уши заполняет сладостная музыка – я будто слышу хор ангелов, медоточивыми голосами выводящих: «Аллилуйя! Аллилуйя!» Я ЗНАЛ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ЗНАЛ, ЧТО ЭТО СЛУЧИТСЯ! Нервным прыжком, которому позавидует и африканская антилопа, я рванул к светящейся щели в скале. Ошибки нет. С каждой секундой она расширяется все больше – в мое лицо, будоража и ослепляя, очередями бьют всполохи нестерпимого молочно-белого света. Забери меня все силы Ада... Это совсем не мираж, поражающий истомленных жаждой путников в мертвой пустыне. Я вижу это на самом деле... на самом деле... НА САМОМ ДЕ-ЛЕЕЕЕЕЕЕЕЕ!!!

Ничего себе заорал... эхо от гор отдалось так, что прямо в голове зазвенело. Спокойно, возьми себя в руки – и прекрати визжать, словно девушка в фильме

про вампиров. Срочно, надо срочно проверить вещи, все ли на месте – нельзя терять ни секунды. Пистолет покоится в кармане, пришитом за пазухой, там же – плоская, непроницаемая металлическая коробка с аппаратом, которая понадобится мне чуть позже. Обе обоймы с патронами – вот они, тихо позвякивают в матерчатом кошельке, привязанном к широкому серому поясу. Я одет в оборванную, истертую временем одежду из грязной и вонючей мешковины. Спутанные волосы перехватывает сыромятный ремешок, на ногах – облезшие сандалии из воловьей кожи.

Щель в скале раскрылась достаточно широко. Встав на четвереньки, я осторожно втискиваюсь внутрь рокового проема за Дверью. Мягкие удары от вибрации воздуха толкают меня в живот и плечи, я всей кожей ощущаю ледяной холод, частые покалывания сильных сгустков энергии, сходных с электрическими. Тело обжигает резкая боль, пересыхает во рту, налившись кровью, воспаляются глаза. Мне хочется потереть их, но я не могу этого сделать – из-за обволакивающей тесноты. Яйцевидное помещение, вырубленное в скале... узкое, как древняя монашеская келья. Сюда можно вползти лишь на брюхе. Несмотря на дискомфорт, я больше не волнуюсь. Моим сердцем овладело безбрежное спокойствие, пальцы перестали дрожать, пульсирующая боль утихла. В волосах изредка потрескивают пробегающие искры. Приближая открытую ладонь к изливающей божественный свет холодной стене, я почтительно отдаю дань ее величию и могуществу:

– Лха нга, ла рокпа наш ронанг...

Белый камень, красиво переливаясь, меняет цвет на черный, в центре стены образуется фосфоресцирующий круг. Сработало. Заклинание «Желтой шапки» из свитка мертвого доктора, давно заученное наизусть, оказалось верным. Приложив вплотную, как при жарком поцелуе, дрожащие от нетерпения губы, я шепчу на санскрите в самую сердцевину пузырящегося камня:

– Год сто шестидесятый от начала пути великого царя Ньяти-Цзанпо...

Поверхность губ обжигает словно огнем, но я не отстраняюсь. Терпеливо, чеканя слова в металле, я произношу требуемое число здешнего календаря – точный день и точный час. Заключительное слово разрывает рот раскаленными клещами. Мертвое имя ТОГО САМОГО проклятого города.

Я успеваю произнести его. По буквам, чтобы не ошибиться.

Успеваю сказать трижды – так, как предупреждал доктор.

...ВСПЫШКА. ВЗРЫВ. БЕЛОЕ ПЛАМЯ. ТЬМААААА...

Часть первая

Глава 1

Полет ворона

(Окрестности Ерушалаима, провинция Иудея: две недели после ид месяца aprilis, 786 год ab Urbe condita[1 - В Древнем Риме иды – день в середине месяца. В апреле приходился на 13-е число. Ab Urbe condita (лат.) – «От основания города», принятое в Римской республике (а затем и империи) официальное летосчисление. (Здесь и далее прим. автора.)])

Птица казалась неестественно крупной. Человек с разбитыми губами и слезящимися от лучей полуденного солнца глазами поначалу принял ее за громадную черную курицу. Вскоре он понял свою ошибку – даже самые голодные куры не питаются мертвечиной. Щелкая облезшим клювом и осторожно перебирая лапками по неотесанной деревянной перекладине, отливающий иссиня-черным блеском жирный ворон придвинулся к голове человека. Веки умирающего, покрасневшие от солнечных ожогов, слегка дрогнули – и птица проворно отскочила назад. Каркнув, она угрожающе расправила крылья. Спешка бывает опасна для здоровья. Совсем недавно точно такое же полудохлое существо изловчилось схватить его за крыло зубами – чуть пополам не перегрызло. Лучше подождать еще с часик. До вечера мало кто выдерживает. Ворон отлетел на конец перекладины. Скосив глаз в сторону казненного, он принялся деловито чистить перья.

Человек хрипло вздохнул. Разжатые ладони судорожно подергивались – из вздувшейся плоти торчали шляпки ржавых гвоздей, посиневшие запястья были плотно привязаны грубыми веревками к перекладине. Кровь уже не сочилась из ран, внизу, на сухой земле у самого основания креста, загустели, подернувшись пленкой, две маленькие багровые лужицы. Обнаженное тело опоясали тонкие полосы от ударов бича из бычьей кожи, жирные зеленые мухи слетались на них роем, упиваясь сукровицей. Пальцы дрожали, сжимаясь и разжимаясь: несчастному ужасно хотелось поскрести ногтями бока, дабы отогнать проклятых насекомых. «Да уж, – мелькнуло в угасающем сознании, – правильно сказал мудрый философ... нет в жизни большего удовольствия, чем вволю почесать, где чешется».

...Депрессивные мысли распятого на кресте бледного брюнета (с тонким, характерным шрамом над правой бровью) проистекали отнюдь не в полном одиночестве. На соседнем деревянном столбе скучал рыжеволосый парень лет двадцати пяти, в душе которого бурлил негатив по поводу конкретно ворона, мух и вообще всего происходящего. Кудри медного цвета слиплись в колтуны, щеку пересекала рваная ссадина, под левым глазом красовался сочный синяк. Зорко отслеживая недавние передвижения ворона, парень пришел к выводу: от опасной птицы пора избавиться.

Громко и жалобно простонав, рыжий закатил глаза и бессильно вывалил изо рта распухший от жажды язык. Ворон сейчас же спикировал на перекладину, о чем жестоко пожалел. Внезапно оживший «покойник», резко вскинув голову, закатил ему меткий плевок прямо в открытый глаз. Ошарашенная птица, с трудом сохраняя равновесие, стрелой ринулась вверх.

С высоты птичьего полета открылся потрясающий вид на утопающий в полуденной лени город. Вдоль вымощенных невольниками дорог качались кипарисы, у вилл из розового мрамора махали листьями пальмы, золотые орлы взирали со щитов, укрепленных на крышах зданий с колоннами. Обожженный солнцем холм, вершину которого венчали три деревянных креста, остался позади. Кое-как угнездившись на крепостной стене, ворон забился в угол бойницы и остервенело затряс головой, пытаясь избавиться от клейкой слюны.

Оба человека усиленно старались не смотреть на третий крест, воткнутый в мертвую землю как раз между ними, но деревянные перекладины притягивали их взгляды, словно магнит. Крест был холодно, сиротливо пуст, и этот факт заставлял жилы двух казненных наливать ледяным ощущением безысходной

тоски. На раскаленных от солнечного жара досках им мерещилась человеческая тень, жестоко изогнувшаяся в предсмертной муке. Они видели лицо, испачканное потеками крови от тернового венца, истерзанные гвоздями ладони и слезы любви на впалых щеках. Казненные часто встряхивали головами, подобно лошадям – но видение не торопилось исчезать. Призрак в терновом венце пугал их намного больше грядущей смерти. Ведь на главном кресте в этот день должен был находиться ОН...

Однако его там не было. И, видимо, уже не будет...

Распятые морщились от ярких бликов – внизу холма, отгоняя любопытных, разместился отряд римской стражи. Солнечные отблески отражались на шлемах и латах воинов, несмотря на жару закутанных в форменные плащи.

– Дождик, что ли, пошел бы... – отвлекаясь от грустного зрелища, жалобно проскулил рыжий. – Пусть хоть капля упадет... десны – и те потрескались...

Он пропахал багровым языком воспаленные губы. Небо, однако, не предвещало скорой грозы – тучи лениво собирались, но где-то совсем-совсем вдалеке: девственную синеву неохотно разбавляла легкая дымка облаков. Брюнет не ответил на мольбы – мухи совсем озверели. Он с юношеским вожделием грезил, как слезает с креста под всеобщие аплодисменты, подходит к столбу, пятясь, как рак, – и чешет, чешет, чешет спину о шершавую доску, оставляя в коже сухие занозы. «Ждать осталось недолго, – солнце методично расплавляло разум брюнета, как масло, забытое на подоконнике нерадивой хозяйкой. – Скоро подойдет легионер с копьем – и все завершится. Сколько раз этот солдат ударит меня? Они с давних пор привыкли облегчать муки. Один укол под ребро – и конец».

...Меркнувший взгляд рыжего неожиданно оживился. Он дугой выгнулся на кресте, всматриваясь в крупные белые камни, ведущие к подножию холма.

– Повелитель, гляньте-ка на дорогу... кажется, будто идет по ней кто-то...

Покрасневшие очи повелителя выхватили из полуденного марева странную фигуру. Она двигалась очень плавно, буквально скользя по гладкой поверхности камней. Это было сгорбленное, низкорослое существо, облаченное в плотную сирийскую ткань – идеально черного цвета. Рукава одежды развевались позади,

словно обмякшие от жары крылья. Чем ближе приближалась к холму бесформенная фигура, тем сильнее искажалось обветренное лицо повелителя. Рыжий тоже догадался, кто именно спешит к ним в гости. Вздрогнув, он прикусил губу и обреченно отвел глаза в сторону.

...Приблизившись к трем крестам вплотную, существо откинуло темный капюшон. Длинные волосы, словно чадра пустынной кочевницы, скрывали бледное личико ребенка – худенькой девочки лет восьми. Тонкие пальцы дотронулись до волос, аккуратно раздвигая их в стороны – на манер плотных штор. Раздалось неприятное шипение: так шипит морская пена, выброшенная на песок волнами, когда пузырьки медленно лопаются – тихо умирая один за другим.

Девочка подняла голову, из безгубого рта полезли змеи.

– Я пришла проводить вас, – равнодушно сказала она.

На месте ее лица светились пустые глазницы желтого черепа...

Глава 2

Голова орла

(Термы поблизости от Ерушалаима, иды месяца *argilis* – ровно две недели тому назад, до начала СОБЫТИЯ)

Войдя в предбанник, Маркус едва удержался на ногах, он сохранил равновесие, только выгнувшись влево и отчаянно замахав руками. Да уж, могло получиться очень комично – взять и сломать себе шею за минуту до начала такой важной встречи. Камешки греческой мозаики, которыми был любовно выложен пол, вероятно, щедро натерли мастикой, а горячий пар делал их особенно скользкими. Пахло разваренными в кипящей воде розовыми лепестками, горными травами и диким медом – у гостя сразу засвербило в носу. Горестно скривившись, Маркус громко чихнул. Простудился? Немудрено. Местный климат попросту ужасен, как и все остальное в этой проклятой провинции – включая

лживые улыбки ее мерзких жителей. Подумать только, первый день, как приехал, и на тебе: купил кувшин вина на базаре, при расчете обманули на пять ассов[2 - Мелкая римская медная монета.] – да так ловко, что он и глазом моргнуть не успел. Каждый второй прохожий в поганом Ерушалаиме – мятежник или вор, скрывающий ржавый от крови нож в складках засаленной туники. Если бы не специальное предложение, сулившее небывалую прибыль, – ноги бы его не было в этом городе.

– Стой где стоишь, – предостерег гостя скрипучий голос, донесшийся из глубин тепидариума[3 - Парной зал в термах – античных банях времен Римской империи.] – и Маркус послушно остановился. Он был прекрасно осведомлен, кто сейчас находится в парной. Встреча была обставлена с такой секретностью (включая вооруженную охрану на входе в термы), что вывод напрашивался только один. Должно ли его это волновать? Конечно же, нет. Если платежеспособный клиент возжелал оставаться в тени (а точнее, в клубах пара), то Маркус обязан уважать подобное требование. Хотя, если спросить его скромное мнение (тут Маркус снова громко чихнул) – то назначать важные переговоры в парном зале у окраины Ерушалаима, беседуя на краю бассейна с горячими благовониями – не слишком-то разумно. Да, пар, словно маска, скрывает лица говорящих – но боги, как же здесь жарко... пот капает даже с носа, покрывшегося бисеринками влаги. Говорят, обычай деловых встреч в термах пришел в Рим от гиперборейских варваров. У тамошних купцов принято вершить важные сделки у воды, с чашей вина в руке, держа на коленях опытную блудницу.

– Тебя рекомендовали мне как лучшего в своем деле, – скрипуче прозвучало из облаков плотного белого пара. Голос проникал откуда-то снизу, видимо этот богач возлегал на мягчайших шелковых подушках, доверху набитых гусиным пухом. – Ты и верно в состоянии творить то, чего не могут другие?

– Это так, господин, – охотно подтвердил Маркус. – Люди, которые обращались за моими услугами, впоследствии бывали очень довольны.

Краем туники он вытер вспотевшую розовую лысину – отражение в запотевшем зеркале послушно повторило его жест. Да уж, смотреть толком не на что. Кривоног, чрезмерно толст, из носа пучками пробиваются седые волосы. Последние двадцать лет женщины имели с ним дело только за деньги. Однако его главный талант состоял вовсе не в оболыщении красавиц.

– Правда ли, что ты можешь представить очерняющие добродетель доказательства – даже против девственницы, выставив ее дешевой шлюхой? – проскрипел невидимый клиент, повернувшись на своем ложе. – Если это так, мне потребуется от тебя самое лучшее, на что ты только способен.

...Он нетерпеливо щелкнул пальцами – два раза подряд. Услышав этот характерный звук, Маркус оцепенел: у него вновь перехватило дыхание от осознания, КТО ИМЕННО опирается локтем на подушку в парном зале.

– Безусловно, – закашлялся Маркус. – Пусть господин только прикажет – и я представлю подробный список дел своей фирмы. Уже десять лет как к моей помощи прибегают и префекты провинций, и консулы, и преторианцы[4 - Преторианская гвардия – личная охрана римских императоров.].

О купцах и говорить нечего. Я всегда предоставляю не только превосходный компромат, но и первосортных лжесвидетелей. Наверное, вы знаете: вершиной моих действий стал заказ – опорочить весталку[5 - Жрицы храма богини Весты, сохранявшие девственность. Прямое оскорбление девственницы-весталки каралось смертной казнью.]. И я справился с этим блестяще, распустив слухи во всех популярных тавернах: девушку обвиняют в ночном изнасиловании священного быка. Через неделю об этом говорил весь Рим, и в правдивости слухов ни у кого не возникло сомнений. Не найдя поддержки, бедняжка-весталка утопилась в городском фонтане.

Невидимый заказчик снова щелкнул пальцами – с явным удовольствием.

– Да ты редкая скотина, Маркус, – голос стал немного громче, и скрипящие нотки в нем сразу усилились. – Похоже, я действительно не ошибся в тебе.

...Из белого пара показалась рука – старческая, со вздувшимися лиловыми венами. Схватив сахарное яблоко из серебряной вазы с фруктами, она скользнула обратно, медленно и лениво, как сытый питон.

– Начну издали, – скрипящие звуки голоса чередовались с яблочным хрустом. – Мне требуется разрешить одну неотложную проблему. Три месяца назад, когда я дремал на своей прибрежной вилле, мне привиделся кошмарный сон. У меня не находится слов, дабы описать тебе, насколько он был красочен и ужасен:

пробудившись посреди ночи, я так и не смог уснуть заново. Бодрствовал до тех пор, пока звезды на небе не начали бледнеть. А ведь я не из пугливых, Маркус: не раз видел, как из людей живьем тащили кишки. Да и сам не отличаюсь излишней кротостью. Едва придя в себя, я потребовал доставить ко мне лучшего оракула, дабы тот растолковал сон. Его слова не принесли мне успокоения: согласно положению звезд, мои ночные видения могли означать одно – ко мне явилось ПРОРОЧЕСТВО...

...Говорящий замолк, ожидая от собеседника удивленного комментария. Однако Маркус не произнес ни слова – он полностью обратился в слух.

– Ты знаешь Кудесника из Назарета? – продолжил заказчик после паузы.

– Его знает каждая собака в «вечном городе», – кивнул Маркус. – Рассказы о странных делах Кудесника давно будоражат Рим и, говорят, дошли даже до благородных ушей пятикратно пресветлого цезаря. Некоторые заблудшие почитают Кудесника, как бога Юпитера, особенно после совершенных им чудес. Эта молва расходится, подобно кругам от камня, брошенного в воду.

– Еще бы, – прохрипел человек на пуховых подушках. – Пятью хлебами накормить сразу пять тысяч народу – знатное зрелище: тебе не покажут его даже парфянские фокусники из бродячего цирка. Где такое видано – нищий откусывает кусок от каравая, а тот прирастает вновь в ту же секунду?

– Так это правда? – горячо выдохнул Маркус. – Поразительно! Но знаешь, господин... в глухих переулках неподалеку от храма Кастора и Поллукса некие сомнительные нубийцы продают засушенные волшебные растения, собранные в далеких иноземных степях. Если зажечь их корневища и вдохнуть дым полной грудью – заверяю тебя, ты и не такое увидишь.

– Дым от волшебных растений тут ни при чем, – сердито перебил его клиент. – Там присутствовал мой доверенный человек, он заплатит жизнью, если солжет мне. Торговцы хлебом ударились в панику. Если одной лепешкой можно накормить тысячу человек, то какой идиот захочет покупать их продукцию? Собрали консилиум: мельник Сульпиций с ходу предложил заказать Кудесника одному отставному гладиатору. Но, к счастью, тот больше не повторял экспериментов с хлебом – и волнения купцов улеглись.

– Я полагаю, это только начало, – глубокомысленно заметил Маркус.

– Ты прав, – прохрустел заказчик. – Дальше – больше. Кудесник показал, что умеет ходить по воде. Смешно? А вот мне почему-то не хочется смеяться. Обычный человек запросто вошел в воду и двинулся по ней вперед – как по мосту. Думаю, ты и это припишешь чудодейственным свойствам волшебных растений. Однако масса свидетелей на берегу Галилейского моря не могла одновременно вдыхать их дым. Я распорядился срочно похитить сандалии Кудесника и тщательно осмотрел их. Меня ждало жестокое разочарование. Чудо-сандалии вовсе не оказались надувными, как я предполагал изначально, в них отсутствовали даже тайные резервуары с китовым жиром. Обычная кожаная рухлядь, которой красная цена – медный асе в базарный день.

...Яблочный огрызок плюхнулся в бассейн с благовониями.

– Окажись Кудесник обычным ярмарочным обманщиком, – вытер губы невидимый клиент, – я бы и горя не знал. Таких доморощенных пророков каждое утро собирается возле алтаря Венеры – как блох на шкуре моей старой собаки. Беда в другом. Чудеса, которые он совершает на глазах у всех, – НАСТОЯЩИЕ. И это влечет к нему людей.

Выдернув из носа седой волос, Маркус всерьез задумался.

– Domine[б - Господин (лат.)], – осторожно прошептал он. – А может, не следовало сбрасывать со счетов отставного гладиатора, к чьим услугам имел намерение обратиться мудрый мельник Сульпиций? Если же он, как ценный исполнитель, занят другим заказом, то осмелюсь предложить свою скромную помощь. Я знаю пару тупых, но физически сильных вольноотпущенников из Галлии, часто ошивающихся в таверне «Люпус Эст» в поисках подходящей работы...

Из паровой завесы тепидариума донесся легкий зубовный скрежет.

– Это и есть мой главный кошмар, – проскрипел заказчик – В роковом сне я увидел смерть Кудесника: его казнили по ложному обвинению, распяли вместе с парой разбойников – вон там, на Голгофе. Любой скажет – о Юпитер, какая ерунда! Подумаешь, прибили к кресту бродячего фокусника. Вздерни туда

тысячи подобных людишек – никто глазом не моргнет. Как бы не так! Той ночью мне отчетливо привиделось – не пройдет и трех сотен лет, как популярность Кудесника превзойдет все мыслимые пределы. Ему позавидуют даже основатели Рима – Ромул и Рем, имена которых поглотит бездна забвения. Перед моим взглядом, как наяву, пронеслись чудовищные последствия этой недальновидной казни. Замерев от ужаса, я наблюдал, как миллионы достойных патрициев и жалких плебеев, восклицая здравицы в его честь, стерли в пыль изваяния великих цезарей и низвергли статуи могущественных богов. Я стонал от горя, глядя, как озверевшая толпа поджигает святилища Юпитера и разрушает бюсты божественного Августа[7 - Римский император (30 г. до н. э. – 14 г. н. э.), после смерти причислен жрецами к богам и, соответственно, получил титул «божественный»]. Но должен тебе сказать – даже это ерунда по сравнению с тем, что случится еще позже. Ерушалаим станет «городом Кудесника»... и прямо здесь спустя две тысячи лет проведут гей-парад... – Маркуса прошиб холодный пот.

– А что это? – прошептал он дрожащими губами.

– Тебе лучше не знать, – клубы пара заколебались. – Кудесник сделается общим любимцем, и его чудесные деяния – вроде хождения по Галилейскому морю – прогремят в веках громче, нежели победы Юлия Цезаря. Толпы мужчин и женщин покроют скорбный лик Кудесника страстными поцелуями, а его жрецы станут богатейшими людьми. Они начнут разъезжать по улицам в колесницах без лошадей, небрежно держа в руках колдовские трубки...

Маркус понял, что сейчас упадет в обморок.

– Видишь, как опасен Кудесник, – привел его в чувство скрип голоса заказчика. – Колдовские трубки – изобретение вполне в кудесниковском духе: прижав этот страшный предмет к уху в Ерушалаиме, ты сможешь услышать голос своей любовницы в Риме. Во сне, во всяком случае, было именно так. Хотя, после кормления пяти тысяч нищих одним караваем, такие вещи не слишком поражают. Этот улыбчивый парень с бородкой и гривой нечесаных волос скоро наделает дел в Иудее. Серия его безобидных фокусов, увенчанная смертью на кресте, разрушит всю нашу систему.

Маркус занервничал, пытаясь взять себя в руки. Да уж, вот сон так сон! Немудрено, что клиент не смог заснуть. Тут неделю спать не будешь.

– Бросив все свои занятия в Риме, я срочно прибыл в Ерушалаим, – прохрипел человек в парной. – Мои люди установили слежку за Кудесником, стараются пробовать продукты, которые он покупает на базаре, выстелили соломой улицы, ведущие к его убежищу в гроте, чтобы, упаси Юпитер, бродяга не поскользнулся. Если в ближайшее время он умрет – пиши пропало.

Заказчик поднялся на ноги. Не выходя из пара, он все же сделал шаг ближе. Из белого облака показался край тоги, отороченной пурпуром.

– Мой заказ очень прост. Ты получишь миллион денариев[8 - Серебряная римская монета.] – если сможешь сработать качественный компромат на Кудесника, – клиент отчетливо произносил каждое слово, обрисовывая его как кисточкой. – Ты должен уничтожить, «опустить» каждое его достижение, размазать с помощью «пиарус нигер»[9 - Черный пиар (лат.).] – это определение из сна, мне понравилось. Крайне необходимо, чтобы люди посчитали его шарлатаном – и отвернулись. Тогда он сам уйдет из Ерушалаима. И где он умрет – уже не моя забота.

– Чудесно, – расцвел Маркус. – Господин, вы обратились по адресу. Да я за миллион отца родного угроблю «пиарус нигером». Не пройдет и недели, как этот гм... Кудесник волосы начнет рвать на голове. Есть у меня на примете некая вздорная, но талантливая девушка... Мария из Магдалы – опытная блудница, с месяц назад ушла в отставку. Она как раз входит в ближний круг Кудесника и даже крутит шашни с одним из его подручных – Иудой Искариотом. Думаю, мы сможем сочинить кое-что интересное по поводу сексуальных домогательств или же наличия кучи внебрачных детей. Хороших идей на эту тему вообще пруд пруди. Почему бы, например, не распространять на базаре подметные картинки моих художников? Скажем, Кудесника изобразят в виде свирепого льва, изрыгающего ужасное пламя...

– Лев – благородное животное, – проскрипел заказчик. – От тебя же требуется совсем другое. Здесь подошел бы тушканчик, изрыгающий говно. Запомни – у нас осталось мало времени, чтобы утопить Кудесника в «пиарус нигер». Поторопись сделать это, Маркус. И знай – моя награда будет щедрой.

...Маркус согнул спину в раболепном поклоне. Когда он распрямился, у его ног мягко звякнул бархатный кошель, доверху набитый золотыми ауреусами.

– Теперь иди и действуй, – заказчик высунул руку из пара, небрежно махнув ему ладонью. – Мой человек выйдет на связь с тобой уже завтра.

Маркус еще раз поклонился, локтями прижимая кошель к груди. Перед тем как клиентская длань исчезла в тумане тепидариума, он успел разглядеть на указательном пальце перстень – тускло блеснувшую голову золотого орла...

Глава 3

Адские будни

(Окраина Города (в фольклорном просторечии – преисподняя) очень раннее утро – 2008 год н. э.)

Десятки тысяч людей тягуче, как в замедленной съемке, копошились на дне внушительного земляного котлована, представляя собой гигантских размеров человеческий муравейник. Земля была повсюду – она висела в воздухе пополам с густым матом, ослепляла глаза, забивалась в уши, оседала на горле, вызывая надрывной кашель. Те, кто закончил смену и отошел обедать, сидя по-турецки, без аппетита хлебали водянистый суп – тоже пополам с землей. Ряды одинаковых, как лабораторные клоны, серых брезентовых палаток скучными шеренгами уныло расползались по обе стороны котлована. Управляющий работами (молодой, худощавый и скуластый человек с раскосыми глазами) хлестко отдавал приказы заместителям. Те, приставив ко рту хрипящие мегафоны, орали инструкции в самое сердце грязной, уставшей толпы с тяжелыми лопатами наперевес. Исключение составлял лишь старичок с седым «хвостиком» на затылке и бэйджиком «Джакомо. Can I help you?», украшающим левый карман форменной телогрейки. Мечтательно улыбаясь, он практически не реагировал на происходящее – достав бумагу и карандаш, дед что-то быстро записывал, напевая фривольную венецианскую песенку.

Наверху раздался рев мощного мотора. Землекопы мрачно подняли головы, разглядывая остановившийся на самом краю котлована лимузин Шефа. Управляющий присвистнул и, ловко вскочив на веревочную лестницу, устремился к копытам начальства. Шеф, сохраняя положенные ему по статусу степенство и леность, не спеша выбрался из машины и обозрел людской

«муравейник». Увлечшись столь впечатляющим зрелищем, он раньше положенного захлопнул дверь автомобиля, прищемив себе хвост.

– Е...ть – копать! – выругался Шеф, щелкая пострадавшим органом по капоту.

– Точно, – согласился управляющий. – Как проклятые в три смены пашем. Одна бригада роет овраг, другая сбрасывает землю в подземное море, третья – ставит палатки для новоприбывших мертвецов. Даже на гитаре толком пару аккордиков сыграть некогда: верите ли, ни одной свободной минуты нет.

– Цой, ты на Земле, что ли, не наигрался? – хмыкнул Шеф, дружески боднув его в плечо рогом. – С вами, музыкантами, прямо беда. Бренчи не бренчи – здесь тебе «Стену плача», как на Арбате, не сделают. Ты бы порадовался, что у тебя хотя бы песни были правильные, о неизбежности внезапной смерти – «следи за собой, будь осторожен». Попсу обычно худшее наказание ожидает: Алену Апинову или Шатунова у нас сам Торквемада на решетке будет запекать, с ароматным перцем и соусом-барбекю. Но думаешь, их это пугает? Я давно знаю людей – каждый планирует жить вечно. Никто не рассчитывает, что этим же вечером может неожиданно склеить ласты.

– Я тоже не рассчитывал, – грустно ответил Цой, опираясь на лопату.

– Ты не первый, – заверил его Шеф. – Знаешь, сколько народу попадает в Город после автокатастроф? Десятки тысяч каждый месяц. И разве кто-то из них предполагает, выходя из дома, что не доберется до работы? Гена Бачинский тоже небось думал – приеду с дачи, попью кофейку, полежу на диванчике, а с утраца – отправлюсь на «Маяк». Вот и полежал, бедняга.

...Работа стояла в самом разгаре – над оврагом поднималось желтое облако непроницаемой пыли, сопровождаемое тяжелым кашлем землекопаторжников. Каторжные отряды состояли из менеджеров закуской «Мудоналдс», сотрудников службы безопасности Пол Пота, попсовых певичек и московских политехнологов. Копали они, надо признаться, довольно плохо, но в этом деле была важна именно массовость. Внимание Шефа моментально привлек мечтательный старичок с листком бумаги.

– А кто у тебя первый заместитель? – коротко поинтересовался Шеф. – Забавный такой. Где-то я его в Городе видел, лицо очень знакомое...

– Казанова, – так же коротко ответил Цой. – Но, откровенно говоря, дедушка слаб в руководстве. Он женщинами привык командовать, а не рытьем котлованов. Ходит, эсэсовцам романтические стихи читает – ему уже лопатой по голове пытались дать. Если кого из девушек обольстить требуется – то да, это к нему: как герой-любовник он староват, но по-прежнему очень силен в теории. А это правда, что его наказание – это ежедневный секс на троих с победительницей конкурса «Мисс Центнер» и курицей в майонезе? Я бы с ума сошел. Насчет работы не волнуйтесь – полагаю, за месяц управимся. В последние годы такое случается все чаще – новоприбывшие души живут в землянках и палатках, пока им дадут квартиру. Слышанное ли дело – уже шестьдесят миллиардов людей в Аду собралось!

Проигнорировав вопрос о Казанове, Шеф попрощался с Цоем сухим кивком. Вернувшись в салон машины, он бережно поместил на колени хвост. Кнопка вдавилась от нажатия длинного когтя – на дверце автомобиля бесшумно поднялось тонированное стекло. Еще один щелчок кнопки – из панели выехала изящная золотая подставка. Подцепив стакан с «Джек Дэниэлс», Шеф освежил рот крепкой янтарной жидкостью, клыки звякнули о хрусталь. Шоу в свежерытом котловане его окончательно доконало: повторно глотнув виски, Шеф ненадолго предался черной депрессии.

...Действительно, «в последние годы» дела в Аду (местные обитатели именовали его Городом из-за особенностей постройки – вся преисподняя была создана в виде современного мегаполиса) шли так, что хуже просто некуда. Сегодня вообще впору объявлять траур – тайфун в Мьянме способен испортить настроение любому. Для полного счастья не хватает только землетрясения в Китае. Ну, и куда же теперь девать целых сто тысяч новоприбывших грешных душ? Праведников-то, конечно, из эдакой тьмы народу окажется максимум человек двадцать. Они спокойно отбудут в райские кущи Небесной Канцелярии, а он ломай себе голову и дальше – где бы разместить уйму свежих мертвецов? Катастрофа. Весь Ад забит панельными пятисотэтажками, строят буквально друг на друге, селят по пять человек в комнате – а количество грешников ничуть не убавляется. Подумать только – каких-то две тысячи лет назад он открыто конкурировал с Голосом... своим главным соперником, возглавляющим Небесную Канцелярию. Шел на грандиозные ухищрения – лишь бы оказаться первым, отхватить побольше душ. Грамотная ставка на рекламу сделала свое дело: его пиарщики мигом положили пресс-службу Голоса на оба крыла, а грешники повалили в Город миллиардами. Ну и к чему это привело?

...Шеф раздраженно бросил в стакан тонкий ломтик лимона, тот опустился на кубики льда, испуская мелкие пузырьки. Да, в Аду жилищный кризис, причем похлеще, чем в Москве – городским жителям даже ипотека не положена (разве что в качестве наказания, чтобы тысячу лет выплачивать). Но ведь не признаешься Голосу: конкуренция с Небесной Канцелярией, по сути своей, проиграна. Еще пара подобных тайфунов или цунами, и Ад попросту треснет от перенаселения. Сегодняшний случай показывает – бесконечно откладывать решение проблемы невозможно.

Лет двести назад, когда через Адские Врата рвались армии душ, убитых в наполеоновских войнах, ему озарила голову неожиданная по свежести идея... Шеф даже попытался ее осуществить – однако по непонятной до сих пор причине тщательно продуманная операция сорвалась. Так стоит ли рисковать надежными людьми снова? Хотя, пока он тянет резину, климат на планете продолжает угрожающе меняться: ураганы, штормы и землетрясения стали скучнейшей нормой бытия. Пройдет еще пара лет – и все пространство в Аду будет сплошь изрыто огромными дырками котлованов, как голландский сыр. Ох, как же они с Голосом ошиблись в креативе. Тот абсолютно зря создал Адама и Еву (понятно, находиться на Земле с одними бессловесными животными было скучновато), а он сам – напрасно совратил молодоженов на грех. Но кто же знал, что эта парочка, едва трахнувшись, через исторически ничтожное время превратится в шесть миллиардов потомков? Наверное, мстительно подумал Шеф, сейчас Голос ощущает себя безымянным фермером, который по недомыслию завез в Австралию двух кроликов – а те, расплодившись, радостно сожрали всю траву на его пастбищах. И что, если завтра на Землю грохнется астероид размером с Луну? Шеф похолодел. Виски выплеснулся из стакана, забрызгав сюртук, выругавшись, властелин тьмы сбил с лацкана капельку кривым когтем. Нет, второй раз подобного сюрприза ему не надо, он и после прошлого астероида замучился погибших динозавров пристраивать. Семь потов сошло, пока соорудил в Городе зоопарки и распахал по очередности – туда птеродактилей, сюда рапторов, а в эту клетку – игуанодона. Когда тунгусский метеорит в Сибири упал, и вовсе чуть не поседел, думал: ну все, Врата разнесут в щепки – но обошлось.

...Однако бесконечно так везти не может. Жаль, у него нет личного психоаналитика, он бы честно ему признался, насколько утомительно денно и ночью, без малейшего шанса на выходные, работать покровителем сил зла. Да, имидж крутой, но и проблем выше крыши. Тайфун в Мьянме – последняя капля. Пришло время попробовать реализовать старую задумку вторично. Кто знает, может, на этот раз и получится. Придется пожертвовать людьми? Другими

всегда жертвовать легче, чем собой. Даже если эти «другие» – прекрасные специалисты, которых обидно потерять.

Допив одним глотком виски, Шеф приоткрыл стекло автомобильной дверцы. На дне котлована перемазанный грязью Цой размахивал гитарой и называл «блядью» мечтательного Казанову, требуя от землекопов сильнее налегать на лопаты. Снизу слышался гулкий шум осыпающейся земли.

– Наш эфир взорван сенсационной новостью, – включилось в салоне лимузина развлекательное радио «Хелл FM». – Только что, по сообщениям городских представителей на Земле, произошло масштабное землетрясение в китайской провинции Сычуань. Уже в ближайшие часы в Город поступит примерно семьдесят тысяч новеньких душ. А может быть – даже и больше.

...Шеф отставил стакан. Решение было принято.

ФРАГМЕНТ № 1 – ГНЕВ ДЕМОНОВ

(гора Инге-Тсе, Гималаи)

...Старый сгорбленный пастух Церинг, спускавшийся с горного склона вместе с неторопливым стадом заросших шерстью яков, в ужасе присел, обхватив голову руками. Прямо на его глазах ночное небо прочертил целый пучок ярчайших молний – кажется, штук десять, а то и пятнадцать сразу. Раздался чудовищной силы грохот, а затем – резкий булькающий свист. Скрытая во тьме верхушка священной горы Инге-Тсе неожиданно вспыхнула как факел: от нее во все стороны плавным и ровным кругом разлился нестерпимо яркий, молочно-белый свет.

Пастух не успел и глазом моргнуть – в ущелье сделалось так же светло, как в самый ясный день. Окрестности мелко затряслись, утробно взвыл холодный ветер, соседние каменные громады черной паутиной разрезали извилистые трещины. Скалы начали крошиться, мучительно оседая вниз, как раненый копьем буйвол. Ноги подогнулись сами – Церинг упал ничком, мысленно прощаясь с жизнью, он не без основания полагал, что началось жестокое

землетрясение. Сверху послышался звук ускоряющихся ударов – старик едва успел отстраниться, как на то же самое место рухнул мокрый, блестящий от снега громадный валун. Тяжело лопнув, он развалился на куски – каждый размером с голову трехгодовалого яка. Горы, дрожа, истошно стонали – небо сокращалось от боли, словно вырванное из груди сердце, расчерчиваясь тончайшими прожилками молний. Прозвучал новый, оглушительный взрыв.

Осторожно подняв голову, Церинг собственными глазами увидел, как в нескольких сотнях метров от него с корнем вылетели из земли деревья, их разорвало пополам, будто жалкие щепки. Совсем как пятьдесят лет назад – когда чужеземные солдаты, сноровисто подтащив с цветущих равнин горную артиллерию, толстыми снарядами планомерно разрушали укрепления, где укрылись сторонники океана мудрости. Волнения в горах с тех пор и не прекращались: иногда затихали, но вскоре опять разворачивались с новой силой.

Этот год не стал исключением. После свежего бунта чужеземцы привели на Место Богов страшных бронированных слонов с большими железными хоботами. Слоны раздавили всех, кто не мыслил своей жизни без власти океана мудрости, но, видимо, этого им оказалось недостаточно. То, что происходит сейчас, – еще хуже самого ужасного землетрясения. Похоже, проклятые чужеземцы решили покончить с маленьким горным народом раз и навсегда – при помощи неизвестной мощной бомбы. Молочно-белый свет усиливался, становясь еще ярче – от него у старика нестерпимо болели глаза и текли горестные слезы боли и ужаса. Окрестные горы снова содрогнулись от грохота – в чистейший воздух на десятки метров ударили шипящие столбы воды из вскипевших горных рек, подбрасывая вверх серебристые тельца сварившейся форели. Бессильно лежа на животе, как смиренный паломник у порога монастыря Джоканг, царапая лоб об острые осколки камней, старик нараспев, слабым голосом начал молиться, взывая к могуществу царевича Шакьямуни[10 - Одно из имен Будды.]. Его прыгающие от холода и страха губы успели произнести стандартную, знакомую с детства мантру два раза подряд. Третьего уже не понадобилось: содрогание почвы и бешеный вой ветра неожиданно прекратились, словно получив приказ. Дрожащие камни застыли, приняв прежний облик, столбы пара больше не поднимались из медленно остывающих рек. Молочный свет на вершине Инге-Тсе померк, захлебнувшись темными сумерками. Одинокая молния тихо умерла в ночном небе, сдавшись последней.

Церинг поднялся на ноги, во всю силу своих старческих легких славя мощь Шакьямуни. Теперь и дураку понятно: если молитва подействовала так быстро и эффективно, то никакая это не чужеземная бомба. Дела обстоят гораздо серьезнее.

- Гнев демонов, - прошептал старик, пытаясь унять дрожь. - Надо спешить, чтобы предупредить людей. Демоны могут вернуться.

...Он щелкнул кнутом, сгоняя разбежавшихся яков в стадо. На скот только что состоявшееся светопреставление не подействовало: животные спокойно жевали пожухлую мерзлую траву, добытую из-под снега. Но перед тем как зайти в деревню, надо будет внимательно проверить их шерсть на наличие камней. Общеизвестно подлое свойство злых духов: они умеют прятаться именно в камнях. И если хотя бы мельчайший осколок застрял в густой шкуре яка, этим вечером Церинг рискует притащить в свой дом зловредного демона. А там уже известно, что начнется - заболит живот, испортится кровь, ухудшится зрение, скот передохнет. Демоны такие вещи обожают, их пампой[11 - Ячменная мука, из которой пекут лепешки в Гималаях.]не корми.

Яки вновь двинулись вниз по склону, не забывая, к недовольству Церинга, останавливаться в поисках стебельков коричневой травы.

...Старик не мог видеть, как Дверь, расположенная в лощине горы Инге-Тсе, начала плавно закрываться, сужая свою светящуюся трещину. Осыпавшись искрами, потух огненный круг на черной стене.

...Круглая каменная келья изнутри скалы была абсолютно пуста...

Глава 4

Яд архитектора

(Город, примерно такое же время)

Снаружи загородная дача Шефа выглядела непривычно и даже в некоторой степени пугающе для обывательского глаза: за считанные недели ее ударно воздвиг стройбат, состоявший из генералов российской армии. Главный Суд обычно с ними не церемонился, определяя «конвейерное» наказание. Тот, кто соорудил себе хоромы при помощи солдат-срочников, сам должен оттрубить минимум сто тысяч лет на стройке. Вкус относительно фазенды, разумеется, у каждого генерала был свой, и в итоге это привело к экзотическому результату – строительные стили смешались по рецепту салата оливье. Трехэтажное здание дачи напоминало невнятного ублюдка, родившегося в результате скрещивания собак всех имеющихся на свете пород. С одной стороны – яйцевидные купола, с другой – нечто мавританское, с узорчатыми краешками, крыша слева покрыта сусальным золотом, справа – красной чешской черепицей, шарообразный потолок кропотливо сработан из аляповатого горного хрусталя. Любой архитектор без колебаний выпил бы яду, едва взглянув на это помещение. Шефу, впрочем, дача нравилась именно ввиду ее редкой нестандартности. Сложившийся имидж повелителя темных сил предусматривал мрачный готический замок в стиле фильмов про Дракулу, но Шеф считал, что это не обеспечивает нужного эксклюзива.

...Зато большой банкетный зал, спроектированный лично Сальвадором Дали, удался на славу – это признавал даже сам Пабло Пикассо, разгромно проигравший конкурс на художественное оформление. По замыслу Дали, прозрачный зал как бы стекал в сторону, наподобие цельной огромной капли: при взгляде создавалось впечатление, что он даже дрожит краями, как свежее клубничное желе. Конкретно для банкета, впрочем, помещение не употреблялось. Шеф использовал зал для частных переговоров с определенными жителями Города, не забывая по ходу дела причинять им мелкие, но чувствительные страдания. Гостей-вегетарианцев сажали за банкетный стол (сделанный в форме овальных часов) вкушать говяжьи стейки с кровью, а гламурные девушки, придерживающиеся строгой диеты, давились кремовыми пирожными. «На то, знаете ли, и создан Ад», – любил философски говаривать Шеф, глядя на горчайшие слезы посетителей.

Однако в редких случаях гостей не мучили, особенно тогда, когда от них планировалось получить благоприятный результат. Исходя из этого, Шеф не поскупился на угощение для делового завтрака: на кровавой скатерти с мертвыми птицами (их изображения вышили знаменитые гаитянские колдуны) уютно расположились пузатый тульский самовар, малиновое варенье в богемских вазочках из темного стекла, фарфоровое блюдце с нарезанным лимоном и связка посыпанных маком рязанских баранок.

...Подбор подчиненных у Шефа был весьма и весьма специфический. В число его доверенных конфидентов в Управлении наказаниями (городской структуре, предлагающей Главному суду креативные способы мучений миллионов грешников) весьма редко входили известные люди. Наученный горьким опытом, Шеф полагал: если человек звезда – с ним вдвойне тяжело работать, а если бывшая звезда – то втройне. Не отвергая полностью услуги именитых специалистов, в «текучке» Шеф предпочитал опираться на незнатных профессионалов. Плюсов в оперативной работе, а также в креативе от них было значительно больше. Город издавна переполняло безумное множество зазнавшихся знаменитостей, поэтому сведущие в своем деле люди ценились на вес золота. Шеф не питал иллюзий – ему было очевидно, что всего лишь два человека в Управлении наказаниями способны осуществить взлелеянный им замысел. Этими людьми являлись следователь царской полиции Алексей Калашников и его бессменный (еще с земной жизни) напарник – казачий унтер-офицер Сергей Малинин. Последний, по мнению Шефа, не блистал сыскным интеллектом, но зато отличался крайней исполнительностью.

С момента своей смерти сослуживцы поступили в распоряжение особого отдела. В Городе они издавна занимались изобретением виртуозных наказаний для грешников (предложения по служебной почте поступали в приемную Главного Суда), а также ловили контрабандистов, промышлявших в китайском квартале Ада. Карьера обоих резко пошла на взлет после недавних событий – парочка провела блестящее расследование загадочных убийств в Аду, а позднее – еще и в Раю[12 - Эти события происходили чуточку раньше в книге «Элемент крови» и ее официальном продолжении триллере «Минус ангел».], получив в награду особый статус «спецгорожан». Привилегированное положение включало в себя отдельные квартиры на первом этаже (большущий плюс: лифты в Городе не работали почти никогда), а также высочайшее дозволение Калашникову жить вместе с депортированной из Рая женой Алевтиной. Такое послабление считалось неслыханным, любящих супругов в Аду изначально было принято разлучать (нелюбящих, напротив, педантично селили вместе). Малинин, к его расстройству, не жил ни с кем. Однако в качестве утешения казаку ежедневно выдавали шкалик водки, что придавало будничному адскому существованию вполне райские мотивы.

...Шеф гостеприимным жестом пригласил сотрудников наливать себе чай.

– Я полагаю, вы уже давно догадались, – вальяжно заметил он. – Я вызвал вас к себе на дачу не просто так. У меня имеется дело чрезвычайной важности.

– Да уж конечно, – уныло вздохнул Малинин, по станичной привычке раскалывая щипцами кусок сахара. – Вот почему Ад оказался не такой, какой нам поп на картинках показывал? Симпатично выглядело – кругом пламя, и черти грешников на сковородках культурно жарят. А тут чего? Как на Земле: сплошная беготня по работе и никакой возможности спокойно существовать.

– Ты труп, приятель, – беззлобно констатировал Шеф, – а стало быть, спокойного существования тебе не положено. Сиди, отработывай свои смертные грехи и не рыпайся. Скажи спасибо, что тебя в котле не варят.

– Спасибо, – сумрачно ответил Малинин, разгрызая пополам баранку.

– Так вот, – продолжил Шеф, поворачиваясь к Калашникову. – Доуплотнились мы за последнее время – хуже некуда. Сейчас срочно копаем котлован, чтобы разместить сто тысяч новых душ после тайфуна, а на носу – землетрясение в Китае. Каюсь, нагнал я готичной привлекательности вокруг имиджа князя тьмы – теперь вот и расхлебываю. В Раю – никого, кроме ангелов, а у нас столько народу... липнем друг к другу, словно пельмени. При таких, извини за тавтологию, адских условиях скоро начнем уплотнять. Даже к самым что ни на есть привилегированным обитателям Города в квартиры придется подселить по три человека сразу. Никак не меньше.

– О, не так плохо! – ожил Малинин. – Если не проблема – будьте добры, подселите мне трех фотомоделей. По крайности, даже одну мулатку можно.

– Там сельские районы пострадали от тайфуна, – усмехнулся Шеф. – Какие фотомодели? Будешь рыпаться, получишь пять бабушек с недержанием.

Блюдце задрожало в руке у Малинина, но героическим усилием воли он совладал с приступом паники.

– Вы это, вообще, к чему? – деликатно поинтересовался Калашников.

– К тому, – вздохнул Шеф. – Лет двести назад пришла мне в голову неплохая идея. Когда-то людей на Земле жило буквально единицы, между мной и Небесной Канцелярией существовала зверская конкуренция – за каждую душу дрались. Ну, мы же думали – случится конец света и все полетит к свиньям. Но

так как по финальной дате светопреставления мы с Голосом до сих пор не определились, Ад переполнился грешными душами по самую крышу. Требования же для попадания в Рай круче, чем для въезда араба в США. Да и откуда, скажите мне, в двадцать первом веке возьмутся стопроцентные праведники? Выпивка, марихуана, плотские грехи, несоблюдение поста: какой нормальный человек хоть раз в жизни этим не балуется? Резюме же Небесной Канцелярии нудное до извращения – слопал шашлык в пост, отправляйся прямиком в Ад. Мы тоже хороши – объективно перестарались с пиаром. Следовало закрепить на первоначально утвержденной позиции – властелин зла, внушающий ужас. Этот лейбл работал просто отлично, но мы не учли опасности, исходящей от кинематографа.

В половине фильмов меня демонстрируют в качестве гламурного принца – рога же и прочие неприятности скрашивает море соблазнительных достоинств. Не поверите – с нежной любовью вспоминаю папскую инквизицию. До сих пор, если кого в Городе случайно повстречаю, обязательно руку жму. Вот прекрасный образец того, как надо работать: какую гравюру Средневековья ни возьмешь, так собой восхищаешься – настоящее чудовище в стиле Мэрилина Мэнсона.

Шеф отодвинул чашку с чаем, попав донышком в варенье.

– Скучаю я по этим временам, – заностальгировал он. – Сейчас даже не верится: качественную душу – например, девицы из монастырского приюта – просто так было не заполучить, следовало активно постараться. Прийти глубокой ночью в романтическом образе прекрасного юноши, одеколоном надушиться, чтобы запахом серы не испугать, рога убрать под шляпу с пером в стиле «Трех мушкетеров». Я себе и представить не мог, что уже в XX веке будет и «Церковь Сатаны», и Голливуд с кучей ужастиков, и повсюду клубы свингеров. Все вокруг так манит, мигает огнями – согреси, это сладко...

В этот момент тональность Шефа резко переменилась.

– Ага, им-то сладко, – злобно сказал он, глядя в лицо Калашникову. – А я в постоянном аврале! Как природная катастрофа или война, так сиди сутками в офисе, отслеживай копание котлованов и доставку палаток. В общем, в отсутствие Голоса можно признать – я выбрал неправильный имидж.

– Улучшить надо? – несказанно удивился молча внимавший монологу босса Калашников. – Я даже не знаю, что и предложить. Можно попробовать оплатить на Земле телерекламу. Запустим клипы, где вы делитесь с сиротами кусочком хлеба, жарите старушкам яичницу и с грозным лицом строго спрашиваете с подчиненных за ухудшение жилищных условий в Городе. В России, например, это обеспечивает популярность любому – уже проверено.

– Ты не просек фишку, – царапнул когтем скатерть Шеф. – Как раз наоборот. Мне срочно требуется ухудшить имидж, сделать его еще более хреновым. Ситуацию с перенаселением в Аду можно спасти, только если я перестану ассоциироваться с чем-то запретным и клевым. А люди при одном моем упоминании станут плевать, дрожать и пучить глаза в ужасе.

– Представляю, насколько сложно вам далось такое решение, – задумался Калашников. – Превратить вас в Ксению Собчак в принципе можно. Но не слишком ли это тяжелая жертва? Так ведь и с ума сойти недолго.

– Я тоже так считаю, – согласился Шеф. – Поэтому предлагаю действовать в несколько непривычном ключе. С давних пор между Городом и Небесной Канцелярией существует, если можно так выразиться, негласное джентльменское соглашение. Никто из нас не пытается изменить прошлое, дабы навредить своему противнику. Логика простая – если каждый начнет регулярно ходить, как в супермаркет, на одну-две-три тыщи лет назад, это приведет к катастрофическим последствиям. Думаю, что рассказ Брэдли «И грянул гром» читали все... не считая, конечно, тебя, мой замечательный Малинин. Но я планирую провести очень скромную корректировку. Если Голос удосужится узнать о плане, он не будет так уж и против. Ну, может, разве что для вида повозмущается. Ведь своими действиями я сыграю ему на руку. Основная масса народа возненавидит меня, как Чубайса, – а Рай переполнится сахарными праведниками. Разве не это его давняя мечта?

...Отпустив шпильку в сторону старого врага, Шеф выжидательно прикусил кончик сигары. Малинин спокойно пил чай – он ровным счетом ничего не понял из монолога. Калашников напрягся, сжав чашку обеими руками.

– Вы хотите отправить нас в прошлое... – прошептал он.

Малинин уронил блюдце на пол – японский фарфор разлетелся вдребезги.

– Смекаешь, – улыбнулся Шеф. – Да, с небольшим спецпоручением. Сюжет простой. Два посланца из Ада должны оставить нужные улики в античном городе Ерушалаиме, находящемся под властью римского наместника Пилата. Эти улики укажут творческой группе ангелов, в режиме реального времени создающих Новый Завет: Иуда Искарриот вовсе не предавал Кудесника со слюнявым поцелуем в Гефсиманском саду. В новой версии окажется, что его сдал первосвященникам Синедриона отвратный монстр из Ада – то есть ваш покорный хозяин. Выяснится, что конкретно мои злостные наветы и послужили причиной распятия доброго спасителя человечества на кресте.

Трясущийся Малинин не отрывал глаз от скатерти. На него было жалко смотреть. Бледные щеки Калашникова полыхнули слабым румянцем.

– Все просто, – буднично произнес Шеф, покачивая рогами в такт звучащей из динамиков песне AC/DC Hell's Bells. – Нечего тут слюни разводить – перенеслись в прошлое, оставили компромат, вернулись в Город. Задание для пэтэушника. Прибавил бы «ей-богу» – но по известным причинам не могу.

– Вам-то персонально с этого какая корысть? – брякнул Малинин.

– О, – мечтательно щелкнул хвостом Шеф. – Конечно, мой горячий станичный друг, я и не ожидал от тебя чрезмерного напряжения мозгов. Вся прелесть в том, что Иуде-то никто не стремится подражать. Он сделался символом сволочизма, предательства и подлости, даже последние пари относятся к нему с брезгливостью. Его образ едва ли соблазнителен. Признаться в любви к Иуде – все равно что публично заняться сексом с медузой. Если люди будут считать, что это я отправил Кудесника на крест, отношение ко мне в корне изменится.

А значит, сократится приток людей в Ад: желающих разделить мои взгляды найдется немного. Возможно, это наконец-то уравновесит Ад и Рай по количеству душ. Кому здесь еще не надоело, что мы спрессованы как баночные шпроты, а у них плотность населения – полтора человека на тысячу миль? Так что вы скажете на это, красавчики?

Красавчики молчали. Никто не хотел открывать рот первым.

– Имейте в виду, – улыбка сползла с морды Шефа, из ноздрей повалил дым. – Памятуя ваши предыдущие заслуги, я стараюсь быть с вами любезным. Однако

не следует забывать и про текущие обстоятельства. А они таковы – вы находитесь в Аду, ваши души полностью в моей власти. Я могу сотворить с ними все, что угодно – ибо никто не в силах мне противостоять. Пока же я разговариваю вежливо и деликатно прошу принять участие в операции. У вас осталось пять минут, чтобы согласиться с моим решением добровольно.

...Жертвы продолжали хранить безмолвие. Шеф вышел в серо-зеленую приемную, сплетенную из высохших водорослей, и показательно громко захлопнул дверь. Секретарша (французская королева Мария-Антуанетта), сидевшая на спине бамбукового лебедя с ушами мамонта (так Дали представлял себе канцелярский стол), подняла накрашенные глаза, выражая любопытство.

– Согласились, монсеньор? – спросила она.

– Куда денутся... – пожал плечами Шеф. Вспомнив про сигару, он прикурил от золотой настольной зажигалки в виде ягуара – пространство мгновенно наполнилось клубами терпкого дыма и сильным запахом табачного листа.

– Вы жестоки, монсеньор, – хлюпнула припухшим носом Мария-Антуанетта. – Я очень сработалась с шевалье Калашниковым, и он мне откровенно симпатичен. Пару раз на День всех умертвленных даже подарил засохшие цветы. А теперь, благодаря вашему распоряжению, мы расстанемся с ним навсегда. Какое счастье, что я уже мертвая, иначе бы я этого не пережила!

Секретарша уткнулась в кружевной платочек с вензелем династии Бурбонов.

– Почему навсегда? – беззаботно пыхнул сигарой Шеф.

В зрачках королевы блеснул холодный огонь.

– Потому что те двое, которых вы послали в прошлый раз, не вернулись.

...Шеф счел нужным не продолжать разговор.

Вода и вино

(Кана Галилейская, римская провинция Иудея – второй день после ид месяца aprilis, 1975 лет тому назад, полдень)

Откровенно зевая, полуприкрыв морщинистые веки, почтенный Бен-Ами презрительно смотрел на празднично одетых людей. Целая куча народу жадно облепила столы, уставленные нехитрой снедью. Надо сказать, видел он довольно плохо (что немудрено в его преклонном возрасте), но вполне мог разглядеть происходящее вокруг. За восемьдесят два полновесно прожитых на этом свете года мудрый старец Бен-Ами полностью убедился – чудес не бывает. Нет, возможно, слухи по поводу Кудесника и правдивы, особенно насчет призрачного хождения по воде. Кто знает, не исключено, что ввиду небывалой жары в тот день Галилейское море серьезно обмелело – и он запросто прошел по скользким камням. А народу-то только и дай повод, чтобы преувеличить все в десять раз и разнести эту новость по базарам. Какой-то безумец собрался даром разливать вино: это единственное, что отложилось в их размякших от скаредности мозгах. Люди просто с ума посходили. Каждый притащил с собой емкости побольше: кто ведра, кто деревянные лохани. Его сосед, влиятельный патриций Аркадий, и вовсе поразил – привез две сорокаведерные бочки, приказав рабам запрячь телегу парой могучих быков. Потрясающая наивность. Оно понятно – какой же еврей откажется от возможности сэкономить (иначе он вообще не еврей, а неизвестно кто). Но здесь видно – устроители перестарались. Бен-Ами готов поставить на кон честь своей жены, прекрасной юной Рахиль, что это окажется самая бездарная свадьба в Иудее: гости уйдут отсюда позорно трезвыми, как пустынные шакалы. Он повернул голову, дабы поделиться сомнениями с близким другом, возлегавшим рядом с ним на гостевых носилках, – столь же уважаемым, сколь и толстым виноторговцем Иеремией. Но тот, пригревшись на солнышке, уже задремал, сладко выпустив слюну.

– Учитель, а получится ли превращение? – суетливо семенил вокруг Кудесника приземистый лысый мужик с седой бородой, одетый в застиранную тунику. – Ты только посмотри, сколько собралось народу – кокосу упасть негде! Тут не только весь цвет Ерушалаима и Кана, но и еще из других городов приехали: от Фив до Дамаска. Воды натащили – ужас. Бедная река Иордан обмелела – чем уж ее только не черпали, даже ложками. Кто мог ожидать такого ажиотажа? Скажи, хватит ли твоих возможностей? Иначе, я чувствую сердцем – нас с тобой прямо в этих бочках и утопят.

– Петр, раздави червя своих сомнений, – взяв ученика под руку, улыбнулся Кудесник. – Я же давно говорил тебе – надо просто верить. Вполне достаточно одной капли веры: она сравнится по силе с осенним ливнем.

Рядом по камням прогрохотала повозка с очередными бочками.

– Так-то оно так, – трясся мнительный Петр, лихорадочно оглядываясь. – Однако же, Учитель, ты только глянь на тех симпатяг... – он показал на группу сумрачных мужиков с опухшими лицами, толпившихся ближе всех к колодцу. – Стоит вину не излиться внутрь их желудков, и мы обратно живыми не выберемся. Если, конечно, ты не умеешь превращать кулаки в вату.

...Кудеснику сделалось настолько весело, что он с трудом сдержал взрыв хохота. Превращать воду в вино он научился еще в раннем детстве, благодаря чему у них во дворе соседи никогда не скучали. Откровенно говоря, он еще и не то умеет... но публику следует впечатлять постепенно, увеличивая градус заинтересованности. Если по его приказу бегемот обернется хорьком, пресыщенная развлечениями толпа навряд ли станет этим восторгаться. А вот процесс превращения воды в вино – это просто, понятно, доступно каждому. И главное – чрезвычайно эффективно. Можно не сомневаться, максимум через год об этом событии прознают даже в дремучих лесах, где живут варвары, одетые в звериные шкуры и питающиеся волчьими головами. Объективности ради волнение Петра тоже можно понять: запсихуешь от одного зрелища, сколько пьяниц собралось на поляне. Можно сто раз рассказать байку про силу веры, но один взгляд на алкашей с налитыми кровью глазами – и все убеждения рассыплются в прах. Вино – это вино.

– Не беспокойся, – добросердечно сказал Кудесник утирающему пот Петру. – Поверь, нам не придется спасаться бегством. На крайний случай я смогу вложить в их сердца любовь вместо ненависти – и они не тронут нас.

Петр облегченно вздохнул. В глубине души он сожалел, что добровольно вызвался присутствовать на свадьбе: переломы заживают очень долго. Самым мудрым решением было бы послать вместо себя в Кану Андрея: он парень здоровый, пальцами запросто подковы гнет. Или Марию Магдалину – тоже можно. Женщин если и бьют, то все-таки не так сильно.

...Народ на поляне между тем стал волноваться – зрители трепетали от неизвестности и желания поскорее воочию увидеть волшебное действо. Задние напирали на передних, передние толкали свадебные столы. Невеста пребывала в полуобморочном состоянии, но никто не желал потратить на нее хоть каплю воды, чтобы привести в чувство. Напряжение не замедлило вырваться наружу – один римлянин случайно толкнул иудея, бережно державшего кувшин: немного влаги выплеснулось на землю. Сразу же вспыхнула драка. Гиперборейские варвары, установившие свои палатки на окрестных холмах, со смехом жевали соленые овощи, наблюдая потасовку.

– Учитель, пора уже начинать, – тревожно заметил Петр. – Если они не получают то, чего ждут, на этой свадьбе половина гостей кровью умоется.

– Свадьба без драки – денарии на ветер, – мягко возразил Кудесник. – Но ты прав, если они ввязались в сражение из-за воды, то лучше предложить им вина.

...Он плавно простер перед собой руки. Воздух вокруг пальцев заколыхался расплывающейся прозрачной волной – словно от жаркого огня. Все присутствующие разом замолкли: послышалось, как стонет вконец сомлевшая от жары невеста. Драка прекратилась, и ее участники застыли, будто в детской игре «Море волнуется раз» – чья-то нога повисла в вязком воздухе в паре сантиметров от ребер скорчившейся в пыли жертвы. Пауза продолжалась примерно полминуты и показалась всем вечностью. Подождав, Кудесник опустил ладони и отряхнул их – так, как стряхивают капли после омовения. Толпа взирала на него с молчаливым недоумением. Петр горячо молился, прикидывая – куда лучше пробивать в толпе дорогу, если у Учителя вдруг не получится превратить кулаки в вату.

...Люди молча переглядывались. Никто не верил, что долгожданное чудо случилось так потрясающе быстро и главное – столь обыденным образом. Многим представлялось: для превращения воды в вино надо танцевать с бубном, плевать огнем и приносить в жертву черного козла. Чудеса без наличия козла казались надуманными, фальшивыми и шарлатанскими. Каждый боялся прикоснуться к своей посуде – жажду и нетерпение как рукой сняло. Наконец молодой гиперборейский варвар раскрыл рот, полный крепких белых зубов, и опрокинул туда содержимое внушительной бронзовой чаши. Он еще не допил, когда его желто-серые глаза изумленно распахнулись, став похожими на два подноса из ближайшей таверны.

– Фалернское! – оторвавшись от пустой чаши, трубно заревел варвар на скверной латыни. – Клянусь своим мечом – настоящее фалернское!!!

То, что произошло дальше, словами описать трудно. Сотни людей разом смешались, слились, свалились в кучу возле колодца. Одному локтем вышибли зубы, другого отпихнули в грудь, третий со стоном упал в пыль – чужие ноги в сандалиях, давя упавшего, ломали ему пальцы. Сумрачные мужики, припав к кожаным бурдюкам, где еще минуту назад находилась безвкусная жидкость, на глазах наливались краской и ощущением полезности жизни. Даже сомлевшая невеста – и та пришла в себя, вместе с женихом жадно глотая превосходное фалернское. Неподалеку прямо на земле лежали без сознания трое виноторговцев, пришедших на свадьбу с мыслью посрамить способности Кудесника. Четвертый, заливаясь слезами, рвал на себе одежды и кричал, что торговать в Ерушалаиме он больше не будет – уедет на север, иначе его семья умрет с голоду. Кудесника, невзирая на сопротивление Петра, облепили сомнительные личности, настойчиво предлагавшие годовые контракты – за превращение воды в пиво определенных марок, растительное масло, пчелиный мед и колбасу. Кудесник не реагировал на их старания, он всматривался в беснующихся людей, с искаженных лиц которых стекали красные, терпко пахнущие виноградом капли. Пьяные римские солдаты, хохоча, показывали пальцами на упившуюся невесту: смело взмахивая подолом короткой туники, та лихо отплясывала на столе. Жених не возражал – он уже спал, блаженно уткнувшись носом в остывшую жареную баранину.

– Пойдем, Учитель, – потянул Кудесника за полу одежды Петр. – Результат достигнут, чудо свершилось. Прости – мне стыдно, что я сомневался в тебе.

Кудесник спрятал улыбку.

– Боюсь, это далеко не последние твои сомнения, любезный Петр.

Тихо беседуя, они незаметно покинули разгромленный свадебный пир, аккуратно обходя лежащих вповалку храпящих гостей. Потрясенный зрелищем, дряхлый старец Бен-Ами тронул руку своего соседа по носилкам, издав серию клекочущих звуков. Рука оказалась холодной, а причина ее странной температуры объяснялась легко: ровно сорок минут назад почтенного Иеремию от увиденного хватил апоплексический удар.

...На холме, возвышающемся над поляной, четверо полуголых нубийских рабов держали на покатых плечах паланкин из слоновой кости, изящно отделанный россыпью драгоценных камней. Тончайшая занавеска из лучшего индийского шелка пошевелилась, будто от ветра – наружу показалась морщинистая рука с золотым перстнем на среднем пальце.

– Что скажешь, Маркус? – донесся из недр паланкина скрипучий голос.

Сидевший поблизости от рабов Маркус не мог сказать ничего. Только что он лично имел возможность убедиться: самые фантастические слухи о таинственном Кудеснике – не что иное, как чистая правда. Он попытался передать эту метафору словами, но губы издали лишь свистящий шепот. Его руки ходили ходуном, глаза наполнились влагой.

– Вот видишь! – проскрипел человек в паланкине, правильно истолковав молчание Маркуса. – Теперь ты понимаешь мое беспокойство? Поверь – все эти чудеса в будущем приведут просто к катастрофическим последствиям.

Маркус задумался: перед глазами стояла поляна, полная упившихся зевак.

– Да, господин, – пожевал он губами. – Будет очень трудно.

Он замолчал на секунду и, прикусив сухую травинку, добавил:

– Но я справлюсь.

Глава 6

Мистическая фантастика

(Город, 2008 год н. э – отделанный Сальвадором Дали банкетный зал дачи Шефа – середина утра)

Дверь за Шефом едва успела закрыться, как Малинин сразу вскочил на ноги. Не выпуская из рук блюдце с чаем, он в волнении забегал по комнате.

– Это не поможет, Серег, – мудро заметил Калашников, наблюдая, как унтер-офицер нарезает круги вокруг стола – по ковру, вытканному персидским шахом Резой Пехлеви. – Будем откровенны, Шеф прав: мы всецело в его власти. Прикажет – и во французский ресторан поедем лягушек есть.

Малинин остановился.

– Это я фигурально выразился, – сообщил Калашников. – Не падай на пол.

Малинин не упал, но пострадало блюдце – уже второе по счету.

– Мать вашу да всем эскадроном, – закрыл казак лицо руками. – И почему со мной это вечно происходит? Как Шеф смог додуматься? Кто ему подсказал?

– Додуматься, братец, совсем немудрено, – охотно объяснил Калашников. – Достаточно лишь книжек знатных почитать. Путешествия во времени – это хит сезона за последние сто двадцать лет. Вот, например, ты Герберта Уэллса знаешь? Это такой вечно заплаканный дед в очках, который у нас с недавних пор по приговору Главного Суда шесть детективов Донцовой в день читает. И никак его наказание не кончится – пишет она быстрее, чем несчастный Герберт успевает прочесть. Ну так вот, сэр Уэллс в свое время стал родоначальником мистической фантастики. В 1895 году он написалopus «Машина времени» – крутая вещь, надо сказать. Помнится, я даже в полицейском участке ее украдкой читал. С тех пор на этой теме не оттоптался только ленивый. Сначала фантасты расписывали будущее – и Рей Брэдбери, и Роберт Хайнлайн, и Айзек Азимов. Шло такое чтиво в магазинах просто замечательно. Но потом читателям надоело хуже горькой редьки – приелись эти бесконечные звездолеты, бластеры, чудовища с ужасным рылом, затерянные планеты и умные роботы-андроиды. Тиражи скисли, бестселлеры забылись. Чтобы продолжать вкусно кушать, писатели срочно переориентировались, с подачи издательств поднялась другая волна – все герои книг вдруг резко стали попадать в прошлое. Один из нынешних бестселлеров – история про то, как простой офисный менеджер Семен, выйдя из конторы, очутился в средневековой Германии. Но, не растерявшись, замочил там кучу всяческих гадов и сел на королевский трон – фантастическую серию «Сема – куцые лапки» читал?

– Нет, – буркнул Малинин, хозяйственно подбирая с пола осколки. – Какой еще Сема, вашбродь? Мне совсем другие книги по вкусу – маркиз де Сад и Иван Барков. Тексты, правда, не особенно – но картинки с девками супер.

– Когда Джордж Буш попадет в Ад, ты, братец, станешь ему лучшим другом, – резюмировал Калашников. – Будете в обнимку сидеть, картинки в книжках смотреть да цветными фломастерами раскрашивать. О чем я бишь? Так вот, такой фантастической литературы сейчас – вагон и маленькая тележка, да и фильмы снимают часто. Успокойся – Шефу было где идей почерпнуть.

Малинин успокаиваться не желал.

– И до чего мы докатились с вами, вашбродь? – убивался он над остатками блюдца. – Супротив самого Голоса идем, помогаем в черных делах врагу человеческому. Оторвите буйную головушку с плеч, сил моих нету больше.

Калашников привычно «смазал» подчиненного по затылку.

– Ты, братец, своим нытьем певице MaKsiM конкуренцию составишь, – разозлился Алексей. – Не занимайся самотерзанием. Чем мы навредим Голосу? Тем, что побольше душ в Рай перебросим? Так он нам за это только спасибо горячее скажет. Ты же видел, какое в Небесной Канцелярии безлюдье творится. На одного праведника по тысяче ангелов, они уже с ума от безделья сходят. Ад и Рай должны зеркально уравнивать друг друга. Прикинь, если бы все в одночасье перестали грешить – Рай начал бы лопаться, а Шеф в горьком одиночестве пиво пил.

– Не знаю, – неуверенно произнес Малинин, заползая обратно на стул. – Я, вашбродь, себя в Ерушалаиме никогда даже с похмелья не представлял. Тунику носить не умею, латыни тоже не обучен. А водка там есть ли?

– Это, братец, в фантастике решается как не фиг делать, – заверил его Калашников. – Водку же мы просто с собой возьмем – я тебе обещаю.

На этой фразе Малинин готов был сдаться, но не успел.

В дверях появился Шеф, из ноздрей которого рвались тонкие струйки пламени. Привычные к однообразным фокусам подчиненные лениво сделали вид, что испугались.

- Надумали? - спросил Шеф тоном, не предвещавшим вечного счастья.

Оба сотрудника Управления наказаниями печально кивнули.

- Замечательно, - благодушно заметил Шеф, сменив гнев на милость. - Добровольное согласие очень важно в работе. Оцените, что я не оказывал на вас никакого давления. Тогда давайте приступим прямо сейчас - время дорого. Рано или поздно Голос включит ясновидение и разом догадается о моих зловещих кознях, я так уже серьезно попадал пару раз. Надеюсь, к этому моменту у вас получится завершить задание. Да что вы сидите и трясетесь, словно не мертвые? Расслабьтесь. Всех делов на полтора часа.

- Я надеюсь, убийство расследовать не надо будет? - осторожно спросил Калашников. - У меня жена дома сидит, не хотелось бы в прошлом застрять.

Банкетный стол-«часы» трагически завибрировал: пробило десять утра.

- Да что ты! - отмахнулся Шеф. - Какое еще убийство? Кого там убили? Кудесника? Так это не ваше дело. Подбросите улики, оставите моих следов как можно больше, и все, дорогие мои, - welcome back. Бедный Кудесник злодейски погублен властителем сил тьмы. Портал для возвращения поджидает вас в одном невзрачном домике в Ерушалаиме, помечу на карте фломастером. Как только зайдете внутрь здания, так прямиком и окажетесь в Аду. Ну, что еще? Локальную одежду выдадут: туники, хитоны, тоги - сейчас позвоню в Театр Тьмы, там как раз Хит Леджер со вчерашнего дня гардеробщиком работает. Надеюсь, парень уже отошел от снотворного. По легенде вы - странствующие хозяин и слуга (на этом моменте Шеф крайне иронично ухмыльнулся). Калашникова оденем в дорогой хитон, а тебя, Малинин, - в рваную мешковину. Каждому из вас введут под язык особую ампулу с миниатюрным роботом-переводчиком - северокорейская новинка.

С появлением Интернета никаких секретов в этом мире не осталось даже у самых закрытых спецслужб: один аноним успел выложить схему в файлообменнике Piratesbay.org. Наши умельцы из русских хакеров ее скачали,

взломали защиту и поставили «кряк». Гениальная вещь. Я не знаю, зачем она нужна Ким Чен Иру, но делает из любого лоха полиглота. Будете понимать и латинский, и арамейский, будто там и родились – даже сленг. Робот автоматически трансформирует русские слова в латинские, но иногда из-за пиратского взлома его глючит. Поэтому ты свое «вашбродь» забудь, да и нет такого слова на латыни. Называй Калашникова коротко – повелитель.

– А наоборот нельзя? – вкрадчиво осведомился Малинин. – Наверняка лучше, ежели мы зашифруемся и его благородие сам станет мне прислуживать: подавать утром завтрак, чистить сандалии. Так даже сам король Ричард Львиное Сердце путешествовал под личиной слуги. Убьем двух зайцев сразу – во-первых, усыпим бдительность злого противника, ну а во-вторых...

...Здесь Малинину пришлось прерваться – кто-то под столом вылил ему прямо в штаны чашку горячего чая. Поскольку подобный инцидент уже однажды имел место в его жизни (во время неудачного сватовства к первой станичной красавице Ксении), Малинин не издал ни звука. Стоически прикусив губу, он лишь вытаращил глаза – Калашников со скучающим видом поставил чашку на стол, вполголоса насвистывая «Прощание славянки».

– Возражаю, – кротко заметил он.

– Возражения приняты, – согласился Шеф. – Не спорь, Малинин. В тебе полностью отсутствует аристократическая жилка, ну никак не похож ты на пресыщенного роскошью патриция. А вот за тупого слугу из лесных варваров – без проблем сойдешь. Хотя, вообще-то, ребята, это я пошутил.

Мысль, что он получил кипятка в штаны за просто так, еще больше усилила страдания Малинина. Калашников хищно улыбнулся, показательно наливая себе вторую чашку кипятка. Малинин заохал, отодвигаясь.

– Фактически, – развивал мысль Шеф, подняв палец с длинным когтем. – У нас уже давно разработана система безопасного перемещения в прошлое. Самое важное – отсутствует элемент неожиданного появления. Непонятно откуда взявшиеся люди в маленьких городках (а Ерушалаим тогда своими размерами отнюдь не впечатлял) сразу вызовут подозрение у местных жителей. Но тут все элементарно. Вам предстоит органично встроиться в мозаику Древнего мира. Прибыв на нужное место, вы обнаружите, что не являетесь там чужаком – ваш

дом находится на определенной улице, соседи – знают вас в лицо, лавочники – вежливо здороваются, когда вы встречаете их на базаре. Если мыслить буддийскими понятиями, это можно назвать чем-то вроде переселения душ – в отвлеченном виде, конечно. Посему я даже не могу предположить, в каком формате вы попадете в провинцию Иудея. Центурионами, торговцами, теми же нищими. Или, возможно, плебеями, приехавшими на выходные поразвлечься с дешевыми блудницами.

– С блудницами – это мы можем, – немедленно согласился Малинин. – Я вообще теперь вижу, задание не такое уж и сложное. А командировочные?

– Не положено, – отрезал Шеф. – Равно как и современных средств защиты. Пулемет вам в Иудею никто не даст. Отбивайтесь сами, если что – не маленькие. Безусловно, вы смертны, и при желании вас в любой момент могут убить. В таком случае вы автоматически возвращаетесь в Ад.

О да, забыл про один большой плюс: опасной для выходцев из Ада святой воды не существует в природе – офисов Кудесника на Земле еще нет. Просто не пейте воду, если он опустил туда палец.

...Калашников оценил перспективу встречи с САМИМ Кудесником, однако перекрестная мысль сейчас же отшибла его мечты. Допустим, Кудесник прознает, ЗАЧЕМ они прибыли в Ерушалаим... и тогда на глаза ему лучше не попадаться.

– О! – вовремя вспомнил Малинин. – Нам же поп на проповеди рассказывал – КУДЕСНИК ВОДУ В ВИНО ПРЕВРАЩАЛ! А рецепт записать можно? Вашбродь, чего ж мы тут стоим-то с вами... вдруг к раздаче не поспеем?

Из ноздрей Шефа снова вырвалось пламя – впрочем, довольно слабое.

– На проповеди? Я знаю, чем ты с попадьей в сарае занимался, пока поп на этих проповедях торчал, – съехидничал он. – Но интересно, с чего ты взял, что в Ерушалаиме все происходило так, как написано в Новом Завете? Типа Кудесник прискакал туда на осле, потом по доносу Иуды его повязали служители Синедриона, а римляне приговорили к смертной казни, после чего он гибкой ласточкой вознесся к своему папе в Небесную Канцелярию? Превращение воды в вино было, это так. Но вот насчет всего остального...

...Малинин невнятно квакнул, его рука застыла на полпути к баранке.

– Да, дорогуша, – спокойно произнес Шеф, дохнув пламенем на коричневую сигару «Кохиба Эсплендидос». – На самом-то деле ситуация развивалась СОВСЕМ ПО-ДРУГОМУ. Новый Завет, чтоб ты знал, создала креативная группа ангелов, сидевшая в особняке близ Масличной горы, – путем «мозговых штурмов». Они четко выстроили в нужном порядке все чудеса и события, выглядевшие тогда довольно хаотично. Например, Тайная вечеря случилась вовсе не в последний вечер перед арестом Кудесника в Гефсиманском саду. Но кого это интересует, если обитателям Земли столетиями скармливают официальную точку зрения? Ангелы расписали кровавыми красками Страстную неделю, преувеличили реакцию публики на якобы спонтанные воскрешения и исцеления, сделали жесткую редактуру, исключив из бытия Кудесника нежелательные факты. Эти крылатые существа понятия не имели, что такое пиар. Но очень хотели, чтобы Кудесник выглядел страдальцем, к которому поневоле испытываешь острую жалость. А уже потом... вы в курсе: если, скажем, женщина кого-то жалеет – значит, она его любит. Так произошло и с паствой Кудесника. По сути, это была первая профессионально сделанная политическая реклама.

Шеф на пару секунд прервался, затянувшись густым дымом.

– И знаете что? Она у них удалась.

Глава 7

Прослушка

(Небесная Канцелярия в фольклорном просторечии – Рай, через пару часов после беседы Шефа с K@M)

Архангел Варфоломей не помнил, сколько тысяч раз он уже посещал ароматные аллеи райского Сада. Да и к чему производить ненужные подсчеты? Входя сюда, он неизменно благоговел, испытывая восхищение перед гениальным устройством этого праздника тропических растений. Шагая по миниатюрным дорожкам, выполненным в японском стиле, архангел умилялся, глядя, как

отягощенные плодами ветви мангового дерева отражаются в ручье, где плавают золотые рыбки. Мадагаскарские лемуры, мелькая черными хвостами с белыми кончиками, шустро прыгали с лиан на березы, запах молодого сандалового дерева приятно щекотал ноздри – обоняние отвлекло нежный аромат лимонной травы, растущей у самого подножия слоновых пальм. Сад, где размещалась резиденция Голоса, без малейшего преувеличения можно было назвать настоящим венцом творческих мыслей его создателя. Да уж, это не Земля, которую Голос конструировал всего-то шесть дней, причем с перерывами на длительные обеды. На Сад было угрохано три полных месяца, а если приплюсовать стрижку газонов и доставку нужных животных – считай, и все пять. Но кто же в Раю рискнет убедить Голоса в переделке Земли, мотивируя эту необходимость очевидной «сыростью» проекта? Ответ угадать нетрудно... Голос принципиально ничего не переделывает, у него такой стиль. И не только в том, что касается Земли. Взять, например, ту же Еву. Откровенно говоря, девушка сработана далеко не на славу – недоделок больше, чем в китайском будильнике. Креативная группа Ветхого Завета, набранная из олухов и бездарей, расписала: Голос создал Еву из ребра Адама – ничего лучшего эти ослы придумать не смогли. А вот Варфоломей, если бы не подписка о неразглашении (ее дают все служащие Небесной Канцелярии) смог бы рассказать: для создания Евы понадобилась особая ДНК, которую извлекли... из языка Адама.

И кто теперь виноват, что женщины с легкостью треплются по телефону целых пять часов? У них же в крови это заложено.

...Пробираясь сквозь пестрящую бабочками кокосовую рощицу, архангел поспешно отогнал от себя крамольные мысли. Известно, что Голос способен проникать в чужой разум. Как хорошо, что он редко пользуется такой возможностью – иначе жизнь в Небесной Канцелярии превратилась бы в кошмар. Пройдя на идеальную поляну, покрытую кустами спелой земляники, он узрел Голоса, облаченный в форменный хитон с небесно-голубой каймой. Стоя к нему спиной, тот увлеченно слушал пение курского соловья. Остановившись, архангел молча колыхнул крыльями.

– Приятно видеть тебя, Варфоломей, – сказал Голос, не оборачиваясь. – Ты позвонил по служебному телефону и сообщил, что просишь встречи. Неотложное дело? Для тебя я всегда доступен. Но не следовало идти через все эти заросли – я могу прочесть суть дела и в твоей голове, поэтому...

– Простите, – упредил ситуацию Варфоломей. – Я понимаю – так для вас было бы легче. Но вот для меня – сложнее: я слаб в телепатии, и мне будет трудно читать ваши ответные мысли. Давайте попробуем по старинке.

– Хорошо, – легко согласился Голос, вознаграждая соловья горстью хлебных крошек. – Однако извини – я все же позволил себе ясновидение на секундочку, больно велик был интерес. Ты принес мне послушать запись?

...Варфоломей пошел красными пятнами, представив себе, КАКОЕ впечатление мог составить о нем Голос, прочитай он его недавние мысли. Лишь страшным усилием воли архангел справился с волнением. Надо все-таки брать уроки дзен у одного японского ангела – смотришь на него и тихо завидуешь: воистину ледяная скала спокойствия. Коллега Нафанаил, три сотни лет проработавший в представительстве на острове Хоккайдо, отчаянно клялся левым крылом, рассказывая легенды об исключительном самообладании азиатов. Они настолько погружены в медитацию, что если перед ними вдруг упадет рояль, то и глазом не моргнут. Сам же Варфоломей никак не мог предугадать свою реакцию на случай внезапного падения рояля.

– Именно так, – сообщил архангел, чувствуя сильное сердцебиение и дрожь в крыльях. – Я понимаю, вы противник подобного рода вещей, но ведь и Шеф не работает в белых перчатках, его демоны постоянно вставляют нам палки в перья. Скрытая война за души продолжается уже несколько тысячелетий, поэтому мы обязаны использовать средства электронного шпионажа. С полгода назад я организовал первую вербовку осведомителя в Аду, и мои усилия увенчались успехом. Нет-нет, мы ему ничего не платим, ибо не можем прикасаться к презренному металлу. Взамен я обещаю лишь серию возможных легких поблажек на Страшном Суде.

...Уголок рта Голоса дрогнул – это означало недовольство. Нимб над головой перестал испускать яркое сияние, свет вокруг поблек.

– Ну, – пустил в ход тяжелую артиллерию Варфоломей. – В конце концов, в этом нет ничего нового. Есть же притча – один богач при жизни подал нищему луковое перо, и вы вытянули его за эту самую луковицу из пекла.

– Я уже давно собирался спросить – кто так работает? – повернулся к нему Голос, отряхнув руки от крошек. – Пиар-отдел Небесной Канцелярии с основания мира

приноровился высасывать истории из пальца. Ах, как все просто: совершил в жизни одно доброе дело – и избежал адских котлов? Молодцы ребята. Они даже не сообразили, что в реальности подобные притчи провоцируют вообще отказаться от сотворения добрых дел. Купайся в шампанском, жуй лобстеры, спи с «Мисс Вселенной» – а перед смертью подал человеку огрызок луковицы, и радуйся, какой ты добрый: обогатил его организм витаминами! Трудно не обозвать такой креатив чушью собачьей. Эдак и Билл Гейтс улизнет из когтей Ада! Выйдет на улицу, скажет нищим – вот вам, мужички, долька чеснока, кушайте на здоровье, я теперь – чистый праведник. Ответь мне: почему я ваш пиар-отдел еще не разогнал? Еще тысячу лет назад надо было это сделать.

– Так ведь других-то специалистов нет, – загрустил архангел.

– Знаю, – прервал его Голос. – Запись сделал твой агент в Аду?

– Да, – обрадовался Варфоломей смене темы. – Он установил подслушивающие «жучки» на даче у Шефа – с тех пор мы в курсе секретных разговоров. Электронный шпионаж – это все-таки вещь, отлично помогает пресекать происки темных силищ на Земле. Например, отключив электричество по всей шведской студии Private, мы вчера запороли съемки двадцати высокобюджетных порнофильмов. По подсчетам статистиков, такая акция позволит за сутки спасти весьма приличное количество благонравных душ.

Голос насмешливо покачал головой.

– Нет-нет, – спохватился Варфоломей. – Содержание этой записи – чрезвычайно примечательно. Аудиофайл поступил ко мне два часа назад. Мне кажется, мы оказались на пороге разоблачения злодейской операции, задуманной Шефом вопреки соглашению между Городом и Небесной Канцелярией от 2512 года до Вашей эры. Смыслом соглашения явился отказ от корректировки прошлого, но теперь оно предательски нарушено. Файл, который я предоставляю вам для ознакомления, содержит все доказательства. Прикажете вызвать съемочную группу? Нам не помешает дать в прямом эфире ваше обращение к праведникам по случаю крушения замыслов зла.

– Я предпочел бы сначала услышать запись, – дипломатично заметил Голос.

...Достав из небесно-голубой папки цифровой диктофон, архангел с уважительной любезностью подал Голосу наушники. Дождался, пока тот их наденет, подключил провод и нажал на кнопку воспроизведения файла. Прошло долгих тридцать минут, прежде чем Голос потянул в сторону один из наушников. Его лицо светилось меланхоличным равнодушием. Из зарослей ананасовых кустов и с лимонных деревьев навстречу беседующим вышло, цокая копытами, стадо пугливых оленей.

– Я не понимаю твоего беспокойства. Что тебя напугало, дорогой друг? – пожал плечами Голос, глядя щиплющего траву пятнистого олененка.

Варфоломей от неожиданности едва не начал заикаться.

– Как что? – возмутился архангел, повышая тон в допустимых пределах. – Разве этого уже не достаточно? Налицо подлый обман, преисполненный отвратного коварства! Подумать только, задумать изменить прошлое! Видал я пару фантастических фильмов – это же полный Армагеддон. А что завтра? Эмиссары Шефа отправятся спасать Гитлера или давать советы Наполеону?

– Ты поменьше смотри всякой халтуры, – поправил его Голос. – Хорошей фантастики в последнее время так мало снимают... упор на зрелищные спецэффекты, как в «Трансформерах». Нет-нет, твое беспокойство вполне похвально, но... Шеф же пока этого не сделал, верно? И не сделает, уверяю тебя. Знаешь, почему? Он ведь себе не враг. Мне тоже не составит труда вернуться в прошлое, провести там пару шумных акций и навечно заключить его в хрустальный куб. А это, согласишься, куда хуже, чем низвержение из райских кущей в качестве падшего ангела. Ему есть что терять. Сейчас Шеф – известный на весь мир бренд. Но кем он станет, повиснув в хрустальном кубе? Пустой развлекаловкой для туристов. Скажу тебе больше – этот... ээээ... Калашников в определенной степени прав.

...Варфоломей, помня методику японского ангела, ничем не выказал свое беспокойство: лишь тихо, но возмущенно похрустел мышцами крыльев.

– Вот сам посмотри, – Голос вновь повернулся в сторону соловья. – Действительно, ситуация не уравновешена – Ад переполнен, в Раю не хватает душ праведников, а Шеф собрался ухудшить свой имидж. Но постой – разве мы уже не стараемся делать то же самое? Наши представители в офисах

замучились на пальцах объяснять населению Земли: «Дети, не попадайтесь на удочку соблазна, грех – это плохо, загремите в Ад». А тут Шеф сам добровольно идет в ловушку: так пусть и покажет, какая он мерзкая тварь. Разумеется, завтра я позвоню Шефу, «порадую» его, что раскрыл заговор и от ока моего ничего не скроется, – но это сугубо для проформы.

Варфоломей взглянул на Голос с нескрываемым восхищением.

– Жаль, что я не понял ваш замысел сразу, – произнес архангел, чувствуя легкое раскаяние. – Признавая величие самой идеи, позвольте мне все же проследить за тем, что случится в Ерушалаиме. Мы не знаем полной подоплеки событий. Что это за улики, которые Калашников и Малинин должны оставить в Гефсиманском саду? Они возьмут их с собой, или «доказательства» уже хранятся в тайнике на Масличной горе? Почему Шеф в авральном порядке, СРАЗУ после беседы на даче отправил их в Ерушалаим – да еще по спецканалу, который перемещает адских представителей во временные эпохи на Земле? Напомню – этим спецканалом часто пользовался и сам Шеф, например для беседы с философом Эммануилом Кантом. Спешка подозрительна, Калашникову даже не дали проститься с женой. Наверняка опасались, что устроит скандал. Дама-то – темпераментная.

– Правильно, – согласился Голос. – Если женщина закатывает истерику без повода, то тут еще полбеды. Но стоит поводу найтись – с ней и самому князю тьмы уже не будет сладу. Ну хорошо, давай рассмотрим, говоря сленгом разведчиков из малобюджетных шпионских детективов, «вариант прикрытия». Кто там сейчас сидит в командировке в Ерушалаиме?

...Варфоломей, поколебавшись, назвал имя.

– Так это же просто отлично! – воскликнул Голос. – Видишь, как все замечательно складывается. Немедленно выходи с ним на связь. Пусть парень пока не вмешивается, а просто наблюдает ситуацию со стороны.

Архангел захлопнул папку. Спокойствие Голоса передалось и ему.

– С вашего позволения, я откланяюсь.

– Я буду ждать от тебя доклада, – сказал Голос, на Руку которого, хлопая крыльями, сел амазонский попугай. – И вот еще – будь осторожен с тем

манговым деревом на входе в Сад. Через пять минут ты споткнешься об его корни и расшибешь лоб. Ничего страшного – просто хочу уберечь тебя.

Поблагодарив, Варфоломей покинул заросли Сада, ступая по узенькой японской дорожке. Манговое дерево он старательно обошел стороной.

Глава 8

«Моритури тэ салютант!»

(Окрестности Ерушалаима, местный амфитеатр – утро, примерно 1975 лет тому назад)

Калашников тупо покачивался из стороны в сторону, подобно маятнику. Он ничего не соображал, словно его разбудили через час после принятия приличной дозы снотворного. Глаза слиплись намертво, в ушах шумело, кожа на шее страшно зудела и чесалась. Гордость Шефа – сверхсовременный спецканал отправки в прошлое – оказался на удивление просто устроен. Небольшая круглая площадка, похожая на вертолетную, находилась в подвале – аккурат под рабочим кабинетом Шефа в Управлении наказаниями. Стюардесса (или как там ее еще назвать?) в черной униформе с красной окантовкой сделала им безболезненный укол шприцем под язык – быстро введя миниатюрный чип, содержащий «тело» робота-переводчика. Прошепелявив бескровными губами пару фраз на латыни, девица, проверив таким образом функционирование робота, приказала обоим раздеться догола (что особенно понравилось Малинину) и натерла каждый сантиметр тела остропахнувшим серным порошком (что понравилось Малинину еще больше). При окончании загадочной процедуры и некоторой заминки (Малинин настойчиво требовал натереть его еще пару раз) скучный дед с бородкой клинышком, оторвавшись от кроссворда, дежурным тоном работника ЗАГСа пробубнил заклинание. Ударила молния – глаза ослепила вспышка света, все засвистело и понеслось. И вот, пожалуйста, они здесь...

Хм... ЗДЕСЬ?! Но куда же, собственно, их угораздило попасть в итоге?

...Мыслям Калашникова помешал громкий и звенящий звук – появилось ощущение, что кто-то невидимый ударил молотком по пустому ведру. Не успел он прийти в себя, как раскалывающий мозг звук повторился снова. Алексей протер глаза, медленно оглядываясь. Он находился в узком каменном коридоре, напоминавшем тоннель. Сложенные из неровных камней, забрызганные грязью стены, казалось, пропахли насквозь человеческим потом, нечистотами и странноватым сладким запахом. Прижавшись вплотную к нему, в «тоннеле» толпились десятки людей. Среди них были белые с нечесаными бородами, иссиня-черные африканцы и татуированные низкорослые азиаты. Каждый был занят своим делом – первые устало переговаривались на невнятных щебечущих языках, вторые усердно молились, прикрыв веки, а вот третьи – дрожали, уставившись на деревянные ворота. Из-за ворот и доносился тот самый грохочущий звук. Все стоявшие в коридоре мужчины сжимали в руках оружие – заржавевшие короткие мечи, круглые, выщербленные от ударов щиты, ветхие луки и колчаны со стрелами. Под подбородком у каждого, смыкаясь на затылке, был закреплен кожаный ошейник с медным кольцом, на котором читались выбитые латинские буквы. Инстинктивно подняв руку к горлу, Калашников понял, от чего так ужасно чесалась шея – точно такой же ошейник находился сейчас и на нем. Ну и конечно, он узнал сладкий запах.

...Это была только что пролитая теплая кровь.

Алексея сильно толкнули. Если бы он не был зажат в «тоннеле», то обязательно бы свалился. Повернуться Калашников тоже не мог, его бока стискивали с двух сторон черный как смоль лучник и бронзоволикий меченосец. Изловчившись, он скосил зрачки, увидев то, что ожидал, – полностью обезумевшие от происходящего, бешеные глаза Малинина.

– Повелитель, – хрипел тот, корча страшные гримасы. – Что происходит?

Алексей с трудом сообразил – унтер-офицер обращается к нему на латыни.

– Не называй меня повелителем, дурак, – дергая головой, прошипел он.

– Хорошо, повелитель, – немедленно согласился очумевший Малинин.

– Ладно, черт с тобой, – прошептал Калашников. – Буду краток. Шеф со своим перемещением в прошлое подложил нам громадную свинью. Он говорил, что мы

появимся в Ерушалаиме под личиной центурионов, торговцев или нищих. Но он ни словом не обмолвился, что мы можем оказаться здесь и в качестве гладиаторов...

Ворота с треском распахнулись. Калашников увидел усыпанную древесными опилками, залитую солнцем песочную арену. Посередине на гнутой арке висел большой медный колокол. Стоящий рядом голый до пояса африканец методично ударял по его поверхности кузнечным молотом – извлекая те самые бьющие по ушам нежные звуки. Трибуны, до отказа заполненные зрителями, радостно взревели – вопли заглушили похоронный звон колокола. Двое упитанных охранников с бамбуковыми дубинками, ворвавшись в коридор, одного за другим сноровисто вытолкнули на арену четверых человек – рослых молодых мужчин, стоявших прямо перед Малининым и Калашниковым.

– В качестве кого? – голосом больной старушки переспросил Малинин.

– Гладиаторов, – меланхолично пояснил Калашников, рассматривая исцарапанный бронзовый щит. – Были в свое время, братец, такие люди – из числа пленных или специально тренированных рабов. Они сражались в амфитеатрах на потеху публике. Причем часто до смерти. Подобные сражения считались важным развлечением и в Риме, и в самых отдаленных провинциях империи. Недаром во время бунтов народ первым делом орал: «Хлеба и зрелищ!» Среди гладиаторов были даже свои звезды, если они показывали особую храбрость в бою, то по желанию зрителей этим смельчакам могли даровать свободу. Совсем недавно (это значит не сейчас, а в нашем XXI веке) археологи в Италии раскопали подземную гладиаторскую школу и путем анализа скелетов выяснили сенсационную вещь. Эти воины совершенно не ели мяса, им полагалось быть вегетарианцами. Так что в ближайшие годы готовься, братец, кушать репу. Если выживем, конечно.

Услышав про вегетарианство, Малинин долго не раздумывал.

– Ну что ж, – сказал он, деловито вытаскивая меч. – Попробуем отличиться, повелитель. Пусть публика попадает с трибун от восхищения и захочет нас освободить. Нехай меня лучше зарежут, чем до конца жизни репу жевать.

Пространство в самом начале коридора неожиданно раздалось: люди буквально прилипли к стенам, стараясь освободить проход. Служители, натягивая цепи,

втащили в образовавшийся проем двух огромных тигров с масляно лоснящейся шерстью. Звери не рычали и даже выглядели сытыми – что, впрочем, не внушало должного оптимизма. Пожилой служитель-азиат с поседевшей головой, глядя бок тигра, сочувственно посмотрел на Малинина.

– Съедят тебя сегодня, мальчик, – трагически скривил он рот.

– Это с какой стати, козел? – разозлился Малинин.

– С такой, что тиграм тоже кушать надо, – укоризненно ответил азиат. – Им чего теперь из-за тебя – с голоду помирать? Животное ни в чем не виновато.

Меж тем звон отчаянный клинков и вопли на арене прекратились – слышались только громкие стоны. Слуги дубинками толкнули напарников к воротам, те согласно переглянулись, взяв мечи наизготовку.

– Знаешь, Серега, в принципе нехорошо убивать незнакомых людей, – сделал вывод Калашников. – Но если они нас убьют – то этот вариант еще хуже.

...Два сильных удара в спины придали им начальную скорость, оба ласточкой вылетели за ворота. Оказавшись на арене, Калашников машинально прикрыл глаза от солнца, Малинин сделал то же самое. Защитные барьеры из дерева, ограждавшие публику на трибунах, были разрисованы рекламой спонсоров: «План пятикратно пресветлого цезаря – победа Рима!» и «Лучшие слуги – на невольничьем рынке "Мир рабства!"» Побуревший песок жадно впитывал лужи крови, в самом центре арены дергались в конвульсиях два обезглавленных тела. Оставшаяся в живых пара гладиаторов – один с мечом, а другой с сетью и трезубцем – явно готовилась к приему новых гостей. Безошибочно найдя взглядом ложу, где расположился лысый человек средних лет, натянувший бело-красную мантию поверх малинового римского панциря, Калашников выбросил вперед правую руку:

– Аве, домине! Моритури тэ салютант!

Тот, не глядя, лениво кивнул, обратив к нему открытую ладонь.

«Идущие на смерть приветствуют тебя!» Малинин страшно изумился тому, насколько легко он понял эту фразу. Изумляться дальше не дали – гладиатор ловко набросил на него рыболовную сеть, и унтер-офицер, запутавшись, свалился на песок арены. Но едва лишь враг с трезубцем подскочил к нему, заноса оружие, Малинин разодрал сеть обеими руками – легко, как перышко.

– Ты чего здесь вилкой своей машешь? – внятно, со злостью сказал он.

Схватив обалдевшего гладиатора за грудки, Малинин сильно ударил его – сначала в правый, а затем в левый глаз. Выронив трезубец, тот упал и больше не шевелился. Зато Калашникову изначально не повезло с противником: тот оказался лихим рубакой и в два счета прижал Алексея вплотную к барьеру арены. Раскаленное солнцем лезвие меча, взвизгнув, раскрошило дерево рядом со щекой Калашникова – кожу неприятно обжег горячий металл.

– Дать ему в рыло? – поинтересовался Малинин.

– Будь любезен, – ответил Калашников, осыпаемый градом ударов.

Взяв трезубец с обратной стороны, Малинин треснул гладиатора древком по голове – в самый центр железного шлема. По арене, услаждая слух зрителей, разнеслось нечто похожее на колокольный звон. Меченосец сполз на песок – Малинин, размахнувшись, от души врезал ногой ему под дых с серией доселе неизвестных ему, но весьма примечательных слов на литературной латыни.

...Трибуны было притихли, но сейчас же снова заволновались. Прозвучали поначалу несмелые, но потом все более громкие хлопки, переросшие в бурную овацию. «Кланяйся», – толкнул Калашников Малинина в бок, и оба, подражая звездным актерам после премьеры, степенно поклонились беснующейся в амфитеатре толпе. Пресыщенное лицо человека в бело-красной мантии выразило некоторую заинтересованность, он поднес к глазу предмет, похожий на стекло, – по арене весело побежал солнечный зайчик.

– Какие мы крутые, повелитель, – гордо заметил недалекий Малинин.

– Это еще не все, братец, – предостерег бывалый Калашников.

Его предсказание сейчас же сбылось. Ворота ощерились, выплюнув на арену амфитеатра сразу пятерых дюжих африканцев. У двоих гладиаторов «болевы́е точки» тела прикрывали пластины кожаных доспехов, трое были закованы в железную броню. Сквозь прорези в шлемах проглядывали покрасневшие, контрастировавшие с черной кожей белки напряженных глаз.

– Плохо дело-то, – побледнел Малинин.

– Об чем и речь, – уныло заметил Калашников, прижимаясь к барьеру. – Даже если этих вдруг покалечим, то знай – в запасе пара тигров дожидается.

Малинин повалился на колени, безвольно уронив меч. Один из гладиаторов подбежал к нему, занося копье. Спустя долю секунды он получил в глаза порцию песка, потерял два зуба и растянулся на арене.

– Нормально, Серег! – крикнул Калашников. – Уже четыре осталось.

Гладиаторы моментально извлекли урок из сокращения своих рядов. Грамотно разделившись (по двое на каждого противника), они надели на опасных конкурентов справа и слева. Публика на трибунах ревела громче тигров – букмекеры не успевали принимать новые ставки, на камни со звоном сыпались серебряные денарии. Пыль, поднятая на арене амфитеатра дюжиной сандалий, взвилась в воздух столбом: сквозь мутные облака мелькали редкие проблески – лучи солнца хватались за лезвия мечей.

– Повелитель! – орал Малинин, уворачиваясь от атак нападающих негров. – Какого хрена они к нам привязались? Мы им что – денег должны?

Два меча соединились у его горла: удар высек длинную искру.

– Видишь ли, братец! – крикнул Калашников, проводя серию обманных выпадов. – Надо делать скидку на античные времена! Гладиаторский бой – это не к теще на блины зайти. Публике необходима кровища: билеты-то платные, а за свои деньги хочется увидеть кишки. Это нормальное коммерческое предприятие, вроде как кинцо посмотреть. Народу здесь толком заняться нечем: телевизора нет, игровых автоматов – тоже, пивных нормальных – и тех толком не существует. Ну и где им прикажешь развлечений искать? Только публичные казни да тупая резня на арене.

Алексей так увлекся монологом, что это едва не стоило ему жизни: он прозевал ловкую атаку справа. Меч соперника рассек кожу на левом плече, на доспехи Калашникова брызнула алая кровь. Нападающий оскалил ослепительные зубы в улыбке, что-то выкрикнув на гортанном языке.

– Как вы там, повелитель? – с беспокойством рванулся к нему Малинин.

– Утомляет, – признался Калашников. – Недружелюбный в этом городе народ.

...Человек в бело-красной мантии смотрел на бой на арене, задумчиво постукивая по перилам пальцами в перстнях. Внезапно его лицо озарилось мыслью – он нетерпеливым жестом подозвал дежурившего у ложи коренастого военного в доспехах центуриона. Приблизившись, подчиненный склонил голову так, чтобы ухо оказалось у самых губ начальства: человек что-то быстро сказал ему, кивнув в сторону клубящейся пыли. Отвесив поклон, центурион сейчас же поспешил вниз, по-мальчишески прыгая через вырубленные в мраморе ступеньки. Уже через минуту он добрался до распорядителя боев – развалившегося на дырявом коврике потного толстяка в покрытой сальными пятнами тунике. Пара жестких фраз, и тот повернулся лицом к арене. В воздух взлетела рука, рогаткой распялив два лоснящихся, жирных пальца. Оказалось, что этот на первый взгляд безобидный знак хорошо знаком гладиаторам – один из них, содрогнувшись в ужасе, инстинктивно обернулся назад. Калашников сейчас же скользнул к нему. Сверкнув солнечным бликом, стиснутый в его руке меч воткнулся в щель между пластинками брони на животе противника. Негр со стоном свалился, обеими руками зажимая рану. Его атакующий напарник, оставшись без поддержки, потерял решительность, он уже не нападал, а лишь защищался. Калашникову открылся вид на ворота. Однако увиденное ему не понравилось.

...На арену, облизывая перемешанный с кровью песок, бархатной поступью величаво выходили бенгальские тигры. Человек в ложе изобразил на каменном лице подобие улыбки. Щелкнув пальцами, он поднес к глазу ограненный изумруд, дабы внимательно рассмотреть происходящее.

– Желаете воды, прокуратор? – спросил вернувшийся к ложе центурион.

– Лучше вина, Эмилиан, – ответил тот. – Сейчас начнется самое интересное.

ФРАГМЕНТ № 2 – В СЕРЕДИНЕ ПУСТОТЫ

(место и время неизвестны)

...Разноцветные пятна плавно разорвали крошечный мрак точечными мелкими брызгами. Сумерки дернулись, корчась в судорогах. Тьма липко растаяла, как сливочное мороженое, растекшись в сладкую лужу. Свет. Долгожданный свет. Но не такой, какой резал ножом зрачки чуть раньше – неприятный, дергающий, ослепляющий. Напротив, мягкий, осторожный, словно спрятанный – напоминающий отсвет отбрасывающей тень лампы с домашним абажуром. Его действие оказывается еще сильнее, фальшивая любезность – замаскированный обман. Один за другим лопаются оба глаза, конвульсивно источая снопы шипящих искр, в высохшее лицо тугим усилием бьет теплая волна, состоящая из множества шевелящихся, как муравьи, точек. Едва достигнув кончика носа, они рассыпаются в прах, радостно взвиваясь вверх сплошным серым торнадо. Воздуха нет – что-то толстое и мягкое плюшевой подушкой забивает легкие, глуша дыхание, притупляя безмолвный крик. Чудо. Настоящее чудо. Глаз нет – он уже полностью слеп: но отчего-то продолжает все видеть. Свистящая карусель из сине-зеленых треугольников, воющих надрывными голосами гиен, вращается вокруг него, сливаясь и окутывая, как шерстяное одеяло, плотно обволакивает горло и черепные кости, издавая невыносимый, кровельный скрежет.

...Горы Инге-Тсе больше нет. Смешно распялив конечности и откровенно напоминая лягушку на школьном уроке биологии, он плавает в пустом пространстве, как бы вися внутри огромного блестящего шара, украшенного снаружи осколками зеркал. Шаровая поверхность движется, одни зеркала пытаются заползти на другие, квадратики ярко искрятся, гневно кидаясь друг в друга режущими отблесками. Слух забивает тихое и ровное гудение – кажется, голоса тянут букву «аааааааааааа» или «уууууууууу», но разорванной ужасной болью голове все же трудно разобрать, что это такое. Нудный звук, вызывающий вязкую сонливость. Ничего вокруг – только воздух, прозрачайший, чистый воздух – как будто он взлетел высоко-высоко, не видя даже снежных кончиков горных вершин. Лишь белое, свистящее и воющее пространство, в момент превратившееся в голодного зверя. Он смотрит на свои руки, и не видит их... они исчезают, исчезают, исчезают... кожа рассыпается на черные песчинки, становятся видны кровеносные сосуды, потом тоненькие вены, желтоватый

костный мозг... он пытается коснуться носа, но кожи на нем уже не существует.

...В мозг медленно, жирным гнусавым ревом, словно граммофонную пластинку прижали пальцем, слизняками вползают мысли – КАААК ЭТООО МОООЖЕЕЕТ ПРОИСХОДИТЬ? Наверное... человеческое тело разделяется на молекулы... проносится в континууме и потом снова соединяется? Чих-чих-чих... ууууу... Шорох песка, шорох, шорох... шшшшш... Но... ааааа... если воду пропустить через банную губку, то она становится влажной: часть воды остается на преграде, никуда не исчезая. Фрагменты его молекул тоже наверняка задержатся здесь – не все они смогут пройти тудшиш. Соберется ли туловище полностью? Или он предстанет перед обитателями улиц и площадей монстром из американских комиксов – с ушами на спине и пальцами, растущими из языка, бегающими глазами, въевшимися в бок... аааааааааа... Страшно, как же страшно. Опять слышно, как сыплется песок. Ожидание в одиночестве не пугало, а сейчас все тело трясет от ужаса, зубы бьются друг о друга с противным костяным стуком. Но ведь зубов уже неееееееееееет... Почему же он слышит, чувствует и видит, если только что весь его организм рассыпался в сплошной песок, крутящийся в бешеном вихре внутри зеркального шара? Хахахаха-хааа! Аааааа, вот в чем дело. Он превратился во множество маленьких собственных копий, каждая песчинка – это он сам, в полном объеме, поэтому чувства и не исчезают... на него работают миллионы глаз и ушей... кожа осязает всю теплоту доброй Вселенной. Среди песка – не только почки, мозг и печень... тут и пистолет, и патроны, и одежда из обветшавшей мешковины... они все смешались в единое целое. Шар усиливает скорость – вертится все быстрее...

...Он ясно видит чье-то лицо. Огромное, довольное, улыбающееся. Каждая ресница на веке этого лица – толщиной с его ногу, морщины – как громадные каналы, следы от вырванных волосков похожи па кратеры от падения метеоритов. Гигант игриво пересыпает песчинки из ладони в ладонь и пристально рассматривает их, словно любясь зернистым песком. Поднеся руку к огромному смеющемуся рту, великан начинает дуть: поднимается невообразимой силы ветер – сильнее любого земного урагана. Его втягивает вместе с братьями-песчинками в большую, быстро завинчивающуюся воронку, мерно дышащую черными жабрами. Шар рассыпается на крохотные кусочки, монотонное гудение исчезает: лица перед ним больше нет. Все улетучивается, пропадает, стирается прочь из закоулков разума. Он все забыл – не помнит скулящую гиенами карусель, толстые губы великана и то, как превращался в песчинку. Все вокруг плывет, вспыхивает, меркнет. В мозгу ничего не остается.

НИЧЕГО. НИЧЕГО. НИЧЕГО.

Волна из искрящихся точек снова накрывает с головой. Он чувствует удар огромной силы, словно тело с размаху бросили об асфальт. Боль. Страшная, чудовищная боль, от которой хочется безумно орать.

AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA!

...Он открывает глаза. Он лежит спиной на земле, над ним – голубое небо, без единого облачка. Он кашляет, тягуче сплевывая кровавую слюну. Щека прислонилась к чему-то горячему. Приподнимается. Кругом – выжженная, безводная земля, прорезанная приземистыми горами. Желтая, пыльная и бездушная. Сердце наливается страхом. Ведь это не город, который ему был нужен! Ничуть, ничуть, ничуть.

...Да, черт возьми... НО КУДА ЖЕ ТОГДА ОН ПОПАЛ?

Глава 9

Черная молитва

(Священная Римская империя, маркграфство Майссен – Эрфуртский университет, 1482 года спустя)

Стоя в середине пурпурной пентаграммы, доктор полоснул лезвием десертного ножа по большому пальцу. Заточенный металл без труда вспорол изнеженную кожу врача, темно-красная кровь не брызнула, а жеманно выступила наружу – так, как из спальни по утрам выходит проснувшаяся королева. Капля задержалась на ногте, дрогнула, сорвалась и упала в круг, где вниз головой на черном конском волосе покачивалось распятие. Боль, хотя и несильная, заставила скривиться. Массируя крохотную ранку, лекарь прочел завывающее, грозное заклинание на латыни... Он умолк, слыша стук собственного сердца... Прошла минута... за ней вторая и третья... потом седьмая и десятая...

...Ничего. Опять ничего. Вот же проклятие! На большом пальце левой руки виднелись пять зарубцевавшихся порезов: все прошлые попытки тоже не принесли успеха. Низенький, пухлощекий, тучный мужчина, с растрепанными волосами и лицом, обрамленным жиденькой бородкой, уныло уткнул подбородок в кружевное жабо. Подумать только – монахи со школы учат, что силы зла сидят за каждым углом. А на деле получается, что продать свою душу не так уж легко. Ровно шесть раз он вызывал властелина тьмы, строго соблюдая все инструкции «черной молитвы» из «Молота ведьм»[13 - Самый известный трактат по демонологии и распознаванию ведьм, написанный в 1486 году германскими инквизиторами Генрихом Крамером и Якобом Шпренгером. Среди прочего содержал рецепты вызова Шефа.]. Однако тот не торопился являться на зов.

– Ты звал меня, Фауст? – раздался сзади безжизненный голос, и лекарь подпрыгнул от неожиданности. На дубовой скамейке, примостившейся в самом дальнем углу каменной комнаты, сидел белолицый брюнет в черном плаще: седые волосы волной ниспадали на плечи. Заложив ногу за ногу, он достал изо рта продолговатый предмет, извергший тонкую струйку дыма.

– Кто вы такой? – залепетал врач, отступая из пентаграммы.

– Ты клинический идиот, Иоганн, – сочувственно покачал головой Шеф, раскуривая «кохибу». – Извини, были неотложные дела. Я не call-girl и не в состоянии каждые пять минут летать на вызовы. Намного приличнее было бы устроить запись по телефону. Впрочем, пока телефон не изобрели – придется обойтись своими силами. Ты еще не веришь, что это именно я пришел к тебе? Забавно. А тебя разве не шокирует, что таинственный незнакомец вдруг материализовался изнутри помещения, закрытого на замок?

У лекаря голова шла кругом. Неужели это и в самом деле князь тьмы? Сомнительно. Один лишь черный плащ – свидетельство в его пользу. А вдруг бледный брюнет – агент инквизиции, который только и ищет повод, дабы забросить его тельце на сложенные вязанки хвороста и смеяться, слушая, как лопаются на пышущих жаром углях обугленная кожа?

– Но... – вяло промямлил врач. – Это непостижимо... а как же рога... запах серы... страшная пасть... я требую от вас минимального соответствия...

Шеф с откровенной ненавистью бросил окурок на холодный пол.

– Я так понимаю, рога теперь для меня – это как официальный костюм, – процедил он. – Между тем, дорогой Фауст, я способен принимать любой облик. Сегодня у меня меланхолическое настроение. А при желании я запросто превращусь хоть в невинную девушку, мне вовсе не сложно. Тебе необходима классика – хвост, козлиная бородка и копыта? Ладно, я уступлю. Копыто появится в тот момент, когда нужно оттиснуть печать на договоре о продаже души. Демонстрировать же его сейчас нецелесообразно. Сера же – элемент тотальной пропаганды, лживая информация из рекламных роликов Небесной Канцелярии. Ангелам, знаешь ли, очень выгодно распространять точку зрения, что мой запах неотличим от дохлого скунса. Уверяю тебя – все гораздо проще. Лично я предпочитаю парфюм от Дольче Габбана.

Доктор Иоганн Фауст мрачно молчал. Повисла неловкая пауза.

– Вот темный народ-то у вас в Средневековье, – злобно сказал Шеф, отворачиваясь от лекаря. – Отлично, будь по-твоему. Сера так сера.

Он извлек из кармана коробок охотничьих спичек, щепотью выгреб оттуда двадцать штук – и разом зажег их, лихо чиркнув об коричневую полоску.

– Ну что? – спросил Шеф с издевкой. – На этот раз сомнения отпали?

По «каменному мешку» пополз сильный запах серы.

– Оооо... – застонал доктор, падая на колени. – Оооо... повелитель зла.

– Дошло, – обрадовался Шеф. – Удивительно, до чего человечество обожает театральные эффекты. И почему народ всегда впадает в экстаз от плохо пахнущей серы, рогов и декоративных полетов голых ведьм на метле? Мы просто посидеть и выпить пива не можем? Фауст, ты какое предпочитаешь?

Фауст тупо мычал, с немым обожанием глядя на Шефа.

– Никакое, – огорчился тот. – Тогда культурная программа закончена, переходим к делу. Чего ты желаешь в обмен на свою бессмертную душу?

Доктор с изяществом ящерицы подполз к шефским ботинкам.

– Значит, так, – сказал он, загибая мизинец. – Хочу денег...

– Эх удивил, – заметил Шеф с некоторой усталостью. – Думаешь, ты один такой? Деньги – понятное дело. Это все?

– Нет-нет, – поспешно завертел головой Фауст. – Мне нужно удивлять людей. Хочу иметь возможность совершать те чудеса, которые творил Кудесник. Ходить по воде, кормить толпу пятью хлебами, воскрешать мертвых.

– Это не ко мне, – отрезал Шеф. – У Кудесника на такие штуки пожизненный копирайт, поэтому извини, он меня засудит за нарушение авторских прав. Давай лучше сделаем по-другому. Ты сможешь с серьезным лицом врать о своей гениальной способности изгонять бесов и улучшать экономику. А люди станут безоговорочно верить в каждое твое слово. Доказывать делами необязательно. Обычно взамен души такую фишку у меня просят видные московские и американские политики. Но для тебя – без проблем.

– Ты употребляешь странные слова, – воззвал с пола очухавшийся Фауст. – «Копирайт», «фишка», «политики»... это особые фразы для вызова демонов?

– В некотором роде, – небрежно согласился Шеф.

Доктор прищурился.

– А тот ли ты, за кого себя выдаешь? – ткнул он крючковатым пальцем в направлении собеседника. – Боишься Кудесника... я-то думал, ты всемогущ.

...Его тело взвилось в воздух, врезавшись затылком в неровный потолок, в лицо дохнуло пламенем – волосы бороды свернулись в колечки от жара. Горло сжала когтистая лапа, глаза лекаря выкатились из орбит: гость, тихо восседавший на скамейке, вдруг обернулся двухметровым монстром.

– Не тебе, смертное ничтожество, сомневаться в моем могуществе! – клыкастая пасть Шефа раскрылась, обдав Фауста смрадом гниющих трупов.

Помещение наполнилось запахом гари, стены, крошась, задрожали.

– Нет, нет, Хозяин! – отчаянно, по-заячьи заверещал Фауст. – Прости меня! Пожалуйста, прости! Ты велик, а я жалок. Пощади своего глупого слугу!

...Шеф разжал когти, и доктор плюхнулся на каменный пол, сотрясаясь в сухом кашле. Вытерев лапу о волчью шерсть на груди, руководитель Города вернулся на прежнее место. Его глаза горели красным огнем, длинные желтые клыки торчали из-под верхней губы, как у дикого кабана. За горбатой спиной полукругом раскрылись перепончатые крылья с острыми шипами.

– Дебилы, – бесился Шеф. – Попсу им подавай – иначе не верят.

Хрестоматийное обличье повелителя зла умиротворило Фауста: он честно полагал, что уверенность стоит и синяков на горле, и жестоких ушибов.

– Я могу продолжать? – подобоострастно спросил он.

Шеф снисходительно моргнул.

– Я хочу иметь отличную память, – вякнул доктор, громко чихая от запаха серы. – Таковую, чтобы запоминать наизусть целые книги.

– Не вопрос, – пожал плечами Шеф. – Успех у женщин добавить?

– Нееее, ну их, – скривился Фауст. – Будут деньги – появится и успех. И, пожалуйста, присокупите чуточку магии.

– Приятно, – оживился Шеф. – Вот знаешь, в XXI веке никто не станет заказывать магию – всем подавай бабло и карьеру, никакой творческой фантазии. Будь добр, конкретизируй свои магические способности.

– Они специфические, – помялся доктор. – Скажем, мне необходимо, чтобы я во время странствий мог превращать своего слугу в собаку – и обратно[14 - Доктор Фауст, как правило, путешествовал вместе с черной собакой, зачастую намекая любопытным, что это – заколдованный им человек.].

– Это еще зачем? – изумился Шеф, чьи глаза слегка порозовели.

- Круто, - в тон ему лаконично пояснил Фауст.

На боковушке увесистой дубовой скамейки прямо из воздуха появился пергамент, его гладкая поверхность сейчас же покрылась убористыми багровыми строчками, в которых лекарь распознал классическую латынь.

- После этого для удобства сделаем копию контракта на немецком, - Шеф раздвоенным языком слизнул кляксу с пергамента. - А то знаю я вас, умников. Явишься потом за душой, начинается концерт. «Ах, неужели четверть века прошло? Ах, я не читал условий контракта, ах, забыл латынь... ах, я смухлевал - не своей кровью подписывал, а куриной - идите во двор, с курочкой разбирайтесь». Все эти скучные хохмы, камрад, я уже слышал.

...Фауст с огорчением изучил истерзанный палец.

- А кровь обязательна? - жалобно спросил он.

Шеф хлопнул себя по копыту и громоподобно расхохотался.

- Нет, это уже изврат, - давился он смехом. - То есть рога, серу и красные глаза вы просто мечтаете увидеть, а что касается крови - каждый норовит увильнуть и желает подписывать слюнями. Доктор Фауст, я не приемлю суррогатных вариантов. Кровь - знаковая вещь. Фильм «Пила II» смотрел? Ах да... В общем, там есть такая интересная фраза: «Oh yeah, there will be blood»[15 - «О да, там будет кровь» (англ.)]. Не жлобствуй, ты все же душу продаешь, а не инжир на рынке.

Шеф протянул лапу к контракту.

- Суммируем - деньги, отличная память, превращение слуги в собаку.

- А способности в области алхимии? - взялся за ножик лекарь.

- Превращать свинец в золото? - усмехнулся Шеф. - В типовой пакет услуг при покупке души это включается автоматически. Ты можешь готовить всякие зелья, зависать в воздухе, глотать огонь и так далее - стандартный набор. Учитывая твой возраст, мы подписываем договор на двадцать лет. Через этот отрезок

времени, секунда в секунду, я приду за твоей душой или пришлю курьера. Только попробуй сбежать – найду везде.

...Не колеблясь более, доктор Фауст жестом тореадора воткнул в руку крохотный клинок – на многострадальном большом пальце появилась седьмая отметина. Поджав палец, чтобы кровь капала быстрее, он макнул гусиное перо в вишневую лужицу и, резко выдохнув, размашисто расписался на обоих экземплярах пергамента. Шеф, не мешкая, с костяным стуком приложил к подписям копыто – печать вспыхнула прозрачным пламенем по всей окружности, однако документ так и не загорелся.

– Вот и все, – подышал Шеф на контракт. – Теперь объясню, зачем, собственно, я пришел к тебе лично. Я социологический опрос провожу...

– Простите, – перебил его Фауст, порядком уставший от набора непонятных демонических фраз. – Неужели вы не посвящаете все свободное время соблазнению грешных душ? Это несколько отличается от моих прежних представлений. Недавно я проводил отпуск в деревне, и одна местная дурнушка тщетно мечтала стать ведьмой. Рисовала пентаграмму, приносила в жертву черного петуха, мастурбировала после полуночи, произнося inferнальные заклинания. Не получив желаемого, она с горя вышла замуж. Когда муж возвращается домой поздно, засидевшись с друзьями в корчме, дурнушка нещадно лупит его деревянной скалкой, с удовольствием слушая вопли: «Чтоб тебе сдохнуть, проклятая ведьма!»

– По статистике, примерно половина женщин мастурбирует после полуночи, – зевнул Шеф, выражая откровенную скуку. – Я что – сантехник из порнофильма, чтобы являться ко всем сразу? Шторы задернут, и начинается – пентаграммы, жертвы, черные петухи, оргии – «El diablo, mi amor, приди ко мне сию же минуту!» Ага, сейчас. Пожалуй, в Сан-Марино, где двадцать тысяч населения, эта ситуация и осуществима – но никак не по всей планете. Предложение душ превышает спрос. Зачем стараться, если человек совершает убийство? Его душа и так автоматически переходит в мою собственность. В среднем я получаю по сто тысяч вызовов за ночь. Что же, мне следует, не отдыхая ни секунды, молнией метаться между клиентами? Думаю, нет. Моя деятельность на Земле основана по принципу работы сетевых предприятий – закусовых «Мудоналдс» и кофеен Starfucks. А их президент не приносит заказчику кофе в постель – этим занимаются дилеры. Поэтому скажи своей несостоявшейся ведьме, пусть обратится в адское представительство и заключит контракт о продаже души с

моими агентами.

- Я нигде не встречал ваших агентов, - растерялся доктор.

- Плохо смотрел, - отбрил его Шеф. - Политики, например, поголовно работают на меня. Хочешь продать душу? Здесь и контракт не нужен - изберись депутатом Госдумы и гарантированно будешь гореть в Аду. Однако VIP-клиентов, особо значимых в истории людей, я предпочитаю навещать лично. К моей радости, вас не так уж и много. Наша сегодняшняя встреча, дорогой доктор, получит широчайшую известность - о тебе сложат легенды.

- Правда? - вздрогнул Фауст, ощутив приятность славы.

- Еще как, - подтвердил Шеф. - Напечатают множество оккультных трактатов с описанием продажи души. Тебя окутает завидный ореол мистики и таинственности. Через двести лет баснописец Гёте напишет пьесу, и популярность образуется бешеная - имя Фауста станет нарицательным. А опера чего стоит! Да будешь потом в Аду, не жалея времени - в двадцатом веке специально заходи ко мне послушать Шаляпина. Таким голосищем выводит: «Люди гибнут за металл» - у меня японский фарфор в буфете трескается.

Он начертил в воздухе горящую линию, и окуроч сигары на полу исчез.

- Я перехожу к вопросам. Пора лететь на шабаш.

- Угу, - пробубнил Фауст, водя пальцем по строчкам контракта.

- Представь себе на минуту, - издалека начал Шеф. - Допустим, я совершенно другой. Я больше не символ всего сладкого и запретного. Со мной больше не ассоциируются золотые дублоны, секс и магия. Я - мятущаяся, депрессивная личность, пославшая друга на смерть за пару талеров. Но это еще не все. Я даже полученные деньги нормально не смог потратить: устыдившись своего свинского поступка, я тупо пошел и совершил суицид. Суть вопроса: захотел бы ты тогда продать мне душу?

- Ни в коей мере, - усмехнулся Фауст, не отрывая взгляда от пергамента. - Кому нужен неудачник? Ваше обаяние, mein herr, кроется в вашей же адской

привлекательности. Да, вы забираете душу и обрекаете ее на вечные муки. Но взамен даете то, к чему всегда стремится человек, – власть и деньги. Убогому существу отдаваться неинтересно. Думаю, от вас в этой ситуации отвернутся даже женщины, коим свойственно слетаться на обаятельное зло, как мотылькам на свет лампы.

– Это я и хотел услышать, – сладко улыбнулся Шеф. – Тогда прощай, Фауст. И помни на будущее: когда я приду за тобой, запираеть дверь бесполезно.

...Раздался хлопок, словно от праздничной пороховой петарды. Дрогнув в черной дымке, образ повелителя зла рассеялся вместе с экземпляром договора, оставив на память тонкий запах Дольче Габбаны. Фауст, дрожа от нетерпения, отодвинул засовы на двери. Зажав в руке хвост пеньковой веревки, он неистово зазвонил в сигнальный колокольчик с такой силой, будто начался пожар. На лестнице послышался топот сапог, в комнату ввалился запыхавшийся слуга.

– Звали, хозяин? Что случилось?

– Амесе эс иферна ра, – произнес Фауст, эффектно простирая руку.

Слуга исчез в клубах дыма. Когда доктор, кашляя, разогнал удушающую завесу, на полу сидел черный как смоль терьер с ярко-красными глазами.

...Шеф материализовался у берега реки – в тине, напротив толстых стен крепости. Глядя, как маркитантка в грязном платье нараспев расхваливает рулет с протухшим мясом, он облегченно вздохнул. Его план – настоящее чудо. Ухудшение собственного имиджа и решение демографической проблемы Города – то, что ему требуется. Только бы Калашников с Малининым не подкачали.

...Они уже были должны прибыть в Ерушалаим. Наверное, сейчас отдыхают.

Глава 10

Пиарус нигер

(Таверна «Люпус эст» – злачное место близ главного базара Ерушалаима: примерно за час до полудня)

Маркус начинал терять терпение. Какой мудрец сказал, что блудницы умеют ценить драгоценное время, поскольку им платят за час? Видимо, кто-то из них получает оплату за целые сутки. С самого утра, замаскировав лица синими платками, они сидят с Магдалиной в таверне «Люпус эст» за столом, источающим запах кислого вина, и обсуждают вопрос о сексуальном компромате на Кудесника. А ведь заказчик из тех людей, которые не привыкли ждать, – сегодня вечером он потребует от него подробного доклада. И явно захочет услышать хорошие новости. При мысли о неблагоприятном развитии событий Маркус ощутил толчки крови в висках.

– Ты пойми, – втолковывал он сомневающейся Магдалине. – Это совсем не трудно. Всего-то и требуется – пригласить пару десятков блудниц, готовых признаться в свальном грехе с ним. До этого – и вовсе мелочь. Затащишь Кудесника в постель, а я пришлю пару художников. Глядя по очереди в замочную скважину, они зарисуют вас в интересном положении. Утром эти листки расклеят по всему Ерушалаиму – мне необходим знатный скандал.

Магдалина отмалчивалась. Ее упорство было тем паче непонятно Маркусу, поскольку девушка, что называется, была «не первый раз замужем». Раньше ее весьма часто нанимали для подобных вещей. Только в прошлом году Марию уже зарисовывали вместе с префектом и с помощником консула (причем с обоими одновременно), а однажды – с самим экс-прокуратором Иудеи Валерием Гратом. Картинка в итоге и стоила тому должности: на замену тихому бабнику из Рима прислали любителя гладиаторских боев. Симпатичная смуглянка с редкими в этом краю рыжими волосами, Мария пользовалась успехом у многих мужчин и нагло тратила их деньги на наряды, галльскую косметику и золотые украшения. Глядя на нее, Маркус был уверен – столь усердно декларируемый Кудесником аскетизм не задел потайные струны души блудницы. Магдалина была облачена в голубую тунику из атласной ткани (в вырезе мягко колыхалась грудь), на ее загоревших запястьях смыкались витые браслеты арабского золота. Отпивая вино из глиняной кружки, она рассеянно держала в левой руке спелый банан. И он готов был поклясться царством Аида – держала довольно характерно.

– Мне необходим скандал, – настойчиво повторил Маркус. – Полчаса в постели, десять минут интервью, и взамен – куча денег. Забери меня демоны, почему я не

родился женщиной?! Я бы на твоём месте точно не раздумывал.

Магдалина прожгла его насквозь взглядом черных глаз.

– А если он не пойдёт в постель? – усмехнулась девушка.

– С тобой да не пойдёт? – изумился Маркус. – Ещё ни один мужчина в Римской империи не отказывался от секса... особенно если это бесплатно.

– С ним все по-другому, – вздохнула Магдалина. – Беда в том, что Кудесник имеет власть над женщинами, а вот они над ним – нет. Попросил бы соблазнить кого другого – Андрея, например. Справлюсь без вопросов. А может, лучше Иуду? Этот юноша меня уже замучил. Каждый день заваливает дом цветами и кактусами редких пород. Вбил себе в голову, что они мне нравятся. Кудесник особенный, понимаешь? Я чувствую в нём и власть, и небывалую силу, подвластную ему одному. Люди пешком идут аж из Иллирии, лишь бы только увидеть его. Петр сегодня ждёт новые делегации с базара: все на нервах, будут выпрашивать твердое обещание не превращать землю в муку, огонь в ветчину, а воздух – в сметану. Но Кудеснику явно не до них – он задумал новый проект.

– Какой? – насторожился Маркус, загоразиваясь кружкой с вином.

– Оживлять мертвых, – увлеченно прошептала Мария, очищая забытый банан. – Вариант с превращением воды в вино ему не понравился. Публика любит острые ощущения. А уж куда острее, если кто-то встанет из гроба.

Не сдерживаясь более, Маркус заржал на всю таверну.

– И как Кудесник сможет это сделать? – откровенно издевался он. – Вот так запросто возьмет, посыплет саван покойничка пеплом летучей мыши, смажет эликсиром из болотных жаб, завоюет «яма-яма-яма-яма!», и мертвец поднимется из могилы? Извини меня, но это напоминает доморощенное действо в стиле нубийского жреца вуду. Я стреляный воробей, и меня не провести фокусами с вином, которые годятся для облапошивания простодушных зевак. Ты хоть знаешь, какие потрясающие штуки вытворяют на базарных площадях Рима берберские гипнотизеры? Приложат к твоей ладони холодную монету, а потом скажут, что она раскалена – и у тебя появляется ожог. Разрази меня Юпитер, этот фокус с вином – случай массового гипноза.

– Не говори ерунды, – Магдалина вонзила зубы в податливую банановую мякоть. – Очень глупо пытаться объяснить любые чудеса либо гипнозом, либо погодными условиями. Оставим в покое вино, дело не только в нем. Кудесник излучает свет настоящего волшебства – он способен исцелять людей прикосновением. Ты в курсе про смертельно больную тещу Петра, которой Кудесник вернул здоровье? И что скажешь – разве не чудо?

– Исцелять тещ – уголовное преступление, – помрачнел Маркус. – Интересно, ты у самого-то Петра мнение спрашивала – думаешь, он обрадовался тещиному выздоровлению? Бедолага небось всю жизнь молил богов, чтобы проклятая карга поскорее отправилась в мир иной. Дождлся праздничка, а тут добрый Кудесник со своим сюрпризом. Вот уж помог так помог!

– Ну хорошо, – не сдавалась Магдалина. – А как насчет двух бесноватых мужиков, коих Кудесник благополучно излечил в стране Гадаринской? По-моему, очень продуктивно – люди стали полезными членами общества.

– Это как посмотреть, – ухмыльнулся Маркус. – Ты разумно умолчала, что случилось далее в процессе этого любительского экзорцизма. Ученики Кудесника не только пресекают любые негативные слухи о его чудесах, но еще и заголовки придумывают в стиле пожелтевших папирусов: «Имя им легион». Однако от правды никуда не денешься, там были свидетели. Бесы выскочили из тел исцеленных как ошпаренные – и вселились в стадо из двух тысяч свиней. Свиньи, не пережив этого кошмарного события, всей толпой утопились в море. Ты хоть знаешь, почему нынче на базаре свинина?

– Гм... – смущенно пробурчала Магдалина, отодвигая в сторону кожуру.

– Вот именно! – разорвался Маркус. – Кудесник элементарно пустил по миру бедных жителей этого несчастного города, опрометчиво утопив немереное количество дорогостоящей ветчины. Жаль, наш пятикратно пресветлый цезарь не ввел закон «О доведении свиней до самоубийства», иначе бы твой милый Кудесник загремел на серебряные рудники – годков эдак на восемь. А что сказали по этому поводу облагодетельствованные жители? «Весь город вышел навстречу Кудеснику – и, увидев его, просили, чтобы он отошел от пределов их»[16 - Прямая цитата из Евангелия. Вообще же свидетельства по этому случаю разнятся. Например, апостолы в своих описаниях не пришли к единому выводу, сколько было в Гадаринской бесноватых – один или два. Точную цифру погибших

свиной тоже приводит только один апостол.]. Что-то слабо похоже на популярность – ты не находишь?

– Хватит! – Мария встала, расплескав вино, на нее оглянулись гуляки за соседними столами. – Критиком всегда быть легче, нежели творцом. Предоставь себе возможность увидеть его чудеса лично, и у тебя тоже зародится искра сомнения. Ты предлагаешь хорошие деньги, спору нет. Но не прогадаю ли я? Спинным мозгом чую – у этого парня отличные перспективы.

– Какие перспективы? – шипел Маркус, путаясь, что желанная рыбка вот-вот сорвется с крючка. – Проснись, глупая женщина! Так и быть, я расскажу тебе, в какую лужу ты села. Прошлой ночью один оракул поведал мне о твоём будущем. Он увидел его настолько отчетливо, словно сам проплыл с богами через воды реки времени. Так вот, никто и никогда не поверит, что ты не имела сексуальную связь с Кудесником. Через двадцать веков один баснописец напишет скандальную книгу о твоих детях, рожденных от него. Миллионы людей бросятся по лавкам листать ее страницы, истекающие ядом. А мерзостный баснописец обретет мешки золотых ауреусов и усладит свое черное сердце дорогим вином с плясками блудниц. Так вот – никто из читателей даже и не подумает усомниться, что все на деле было иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

В Древнем Риме иды – день в середине месяца. В апреле приходился на 13-е число. *Ab Urbe condita* (лат.) – «От основания города», принятое в Римской

республике (а затем и империи) официальное летосчисление. (Здесь и далее прим. автора.)

2

Мелкая римская медная монета.

3

Парной зал в термах – античных банях времен Римской империи.

4

Преторианская гвардия – личная охрана римских императоров.

5

Жрицы храма богини Весты, сохранявшие девственность. Прямое оскорбление девственницы-весталки каралось смертной казнью.

6

Господин (лат.).

7

Римский император (30 г. до н. э. – 14 г. н. э.), после смерти причислен жрецами к богам и, соответственно, получил титул «божественный».

8

Серебряная римская монета.

9

Черный пиар (лат.).

10

Одно из имен Будды.

11

Ячменная мука, из которой пекут лепешки в Гималаях.

12

Эти события происходили чуть раньше в книге «Элемент крови» и ее официальном продолжении триллере «Минус ангел».

13

Самый известный трактат по демонологии и распознаванию ведьм, написанный в 1486 году германскими инквизиторами Генрихом Крамером и Якобом Шпренгером. Среди прочего содержал рецепты вызова Шефа.

14

Доктор Фауст, как правило, путешествовал вместе с черной собакой, зачастую намекая любопытным, что это – заколдованный им человек.

15

«О да, там будет кровь» (англ.).

16

Прямая цитата из Евангелия. Вообще же свидетельства по этому случаю разнятся. Например, апостолы в своих описаниях не пришли к единому выводу, сколько было в Гадаринской бесноватых – один или два. Точную цифру погибших свиней тоже приводит только один апостол.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zotov_georgiy/demon-plyus

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)